

ПРИЗНАНИЕ ФАКТУАЛЬНОСТИ ДИСКУРСА-ИНТЕРВЬЮ КАК ИНСТРУМЕНТАЛЬНАЯ СТРАТЕГИЯ “МЯГКОЙ СИЛЫ” ВЕРБАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ К ПРАВДЕ

А.А. Романов, Л.А. Романова, О.Н. Морозова

В статье анализируется процесс вербального доминирования риторических средств в противостоянии политического “дискурса правды” vs “дискурса постправды”. Выявлен набор эристических аргументов, используемых участниками политического дискурса-интервью в реализации “техник” вербального принуждения собеседниками друг друга к фактуальной оценке событийного ряда мировой истории.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вербальное принуждение, дискурс, дискурс правды, дискурс постправды, политическое интервью, контрдискурсивное противодействие, иллокутивный сценарий, информационное доминирование, коммуникативная стратегия, лингвистическая эристика, фреймовая конфигурация

РОМАНОВ Алексей Аркадьевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации, директор Тверского института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций (ТИПЛиМК) ТГСХА; профессор кафедры фундаментальной и прикладной лингвистики Тверского государственного университета, заслуженный деятель науки РФ. romanov_tgsha@mail.ru

РОМАНОВА Лариса Алексеевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и межкультурной коммуникации ТГСХА. romanov_tgsha@mail.ru

МОРОЗОВА Оксана Николаевна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления Тверского государственного университета. mirlic@rambler.ru

Цитирование: Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н. Признание фактуальности дискурса-интервью как инструментальная стратегия “мягкой силы” вербального принуждения к правде [Электронный ресурс] // Мир

ЛИНГВИСТИКИ И КОММУНИКАЦИИ: ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. – 2019, № 2. – С. 1–72. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

ACCEPTANCE OF FACTUAL BACKGROUND OF DISCOURSE-INTERVIEW AS AN INSTRUMENTAL STRATEGY OF “SOFT POWER” VERBAL TRUTH ENFORCEMENT

Aleksey A. Romanov, Larisa A. Romanova, Oksana N. Morozova

The article analyzes the process itself and also considers the concept of "discourse of truth" and the discourse of post-truth" as two types of political discourse-interviews, implemented by the participants of media interaction in the framework of a typical illocutionary scenario "accusation".

KEY WORDS: verbal coercion, discourse, discourse of truth, discourse of post-truth, political interviews, counter-discourse resistive actions (counteractions), illocutionary scenario, information dominance, communication strategy, linguistic eristics, frame configuration

ROMANOV Aleksey A. – DSc in Philology, professor, Head of the chair of the theory of language and intercultural communication, the director of Tver Institute of Applied Linguistics and Mass Communications of Tver State Agricultural Academy, professor of the chair fundamental and applied linguistics of Tver State University, Honored scientist of the Russian Federation. romanov_tgsha@mail.ru

ROMANOVA Larisa A. – DSc in Philology, professor, professor of the chair of language and intercultural communication of Tver State Agricultural Academy; larrar@yandex.ru

MOROZOVA Oksana N. – DSc in Philology, associate professor, professor of the department of Government of Tver State University. mirlic@rambler.ru

Citation: Romanov A.A. Romanova L.A., Morozova O.N. Acceptance of factual background discourse-interview as an instrumental strategy of “soft power” verbal truth enforcement // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2019, № 2. – P. 1–72. Access mode: www.tverlingua.ru

*“Факты? – повторил он. – Выпейте-ка ещё
грогу, мистер Фрэнклин, и вы преодолеете
слабость, заставляющую вас верить фактам.
Нечистое дело, сэр!”*

У. Коллинз. Лунный камень.

*Только реальность может вызвать
к жизни другую реальность.*

О. Мандельштам

В работах (Романов, 2014; 2016; Романов, Романова, 2015; 2016; 2017; 2017а; 2017б; 2018б; Романов, Романова, Новоселова, 2018; 2018а; 2019) отмечается, что в «новой информационной геополитике “эпохи или парадигмы постправды”, базирующейся на медийном превосходстве и доминировании в виртуальном пространстве, особая роль отводится коммуникативно-репутационному капиталу культуры в его широком понимании» (Романов, Романова, 2015; 2016; 2017; 2017б; ср. термин «символический капитал» у Бурдьё, 2001: 218-237), что не в последнюю очередь обусловлено активным, разнообразным и эффективным применением – в плане коммуникативных технологий консциентального воздействия – «культурного программного обеспечения для психополитической структуры влияния» (Becker, 2002: 6). Культура XXI столетия является, по утверждению Конрада Беккера, «оружием информационного миротворчества» и рассматривается «как чистейшая форма войны», которая охватывает «через подсознательную силу определения психологические и культурные параметры» (Becker, 2002: 6) консциентальной сферы человека, достигаемые посредством различных медиаций и субъективно-личностных рефлексивных интерпретаций приобретенного различными путями знания о сложившемся положении дел в мире.

Такое приобретенное и реализованное знание, именуемое «примененным знанием» (ср. схожий термин в работе: Гидденс, 1999), конституирует мир человека, в котором он бытует (живёт и реализует себя) *здесь и сейчас*, находясь под постоянным прессом интенсивного воздействия «культурной пропаганды и исторической дезинформации». Интенсивное

воздействие информационно-срежиссированного мифотворчества и «миротворчества культурных программ и исторической дезинформации» (Becker, 2002: 6; см. также: Менегетти, 2002; Рашкофф, 2003; Романов, Черепанова, Ходырев, 1997; Романов, Черепанова, 1998; Шампань, 1999) оказывает существенное влияние на выработку и выбор оценок, личностных установок, форм поведения и персонального отношения к событиям, явлениям и фактам (о «бомбардировке смыслами», пропагандистской обработке, а также исторической дезинформации и иных новых способах формирования «общественного мнения» см.: Бауман, 2008; Бодрийар, 2007; Гидденс, 1999; Кастельс, 2000; 2016; Мисонжников, 2005; Рашкофф, 2003; Рейнголд, 2006; Романов, 2002; Романов, Романова, 2015; 2016; 2017; 2018; 2018б; 2019а; Шампань, 1999; Becker, 2002).

Подчеркивая роль и значимость «программ культурной пропаганды и исторической дезинформации», К. Беккер пишет, что «культурная пропаганда и историческая дезинформация глубоко внедрены не только в работу европейских ученых», но и в «закулисную работу машины культурной пропаганды, выполняющей свою миссию с оттенком экстравагантности», чтобы «поддержать идеологическую гегемонию определенных европейских элит, ввиду расистских идей и скрытых политических интересов». Для этих целей «фабриковались целые исторические сценарии и разрывались культурные связи». Так, в частности, по мнению К. Беккера, «в интересах противодействия “коммунистической угрозе” предпринимались попытки поддержать отдельные прогрессивные и либеральные позиции». А «если верить современным аналитическим расследованиям историков», то, как считает Беккер, «кажется, что среди крупных прогрессивных культурных журналов на Западе едва ли был хоть один, не основанный или не поддерживавшийся спецслужбами, или свободный от агентов спецслужб» (Becker, 2002: 6).

Принимая во внимание значимость отмеченных К. Беккером факторов деструктивного влияния на мировое общественное мнение «программ

культурной пропаганды и исторической дезинформации», а также учитывая усилившуюся на современном этапе геополитического противостояния борьбу за информационно-репутационный капитал между основными политическими акторами в глобальном мире, целесообразно *рассмотреть* на конкретном материале дискурсивное противостояние двух контрарных начал – сторонников дискурса правды и сторонников дискурса постправды – за информационное доминирование и стратегическую инициативу не только по выработке и медийному распространению мифотворческих и «миротворческих» (т.е. придуманных, фейковых, «срежиссированных», постправдивых) эпизодов сценариев жизни, но и по противодействию сторон такой стратегии относительно друг друга. Не исключено, что сторона, продуцирующая дискурсы постправды, отстаивающая и распространяющая их в глобальном медийном пространстве в качестве инструмента *воздействия* и *давления* на противоположную сторону, будет стремиться использовать арсенал различных приёмов, средств и технологий «спиндокторингового воздействия». В свою очередь, противоположная сторона будет изыскивать различные аргументы и контраргументы, логико-смысловые ловушки и семантические уловки, риторические приёмы и коммуникативные техники, чтобы отстаивать общепринятые принципы верификации используемых фактов и результатов их аналитико-синтетической обработки на основе фактуально-референтной соотнесенности событийных (точнее, событийно-исторических) сценариев в сравнении с их медийной спиндокторинговой трактовкой, интерпретацией и заказной оценкой другой стороны (подробнее см.: Романов, 2014; 2016; 2017; Романов, Романова, 2015; 2016; 2017а; 2017б; Романов, Романова, Морозова, 2014; 2015; 2015а; 2015б; 2017; 2018).

При этом также вряд ли можно исключить ситуации, в которых любая из сторон может попытаться использовать в контрдискурсивной полемике эмотивную аргументацию и атакующий арсенал вербально-агрессивных практик *троллинга*, *моббинга*, *флейминга* и *буллинга* на грани дозволенного,

чтобы не просто «уравнять, сгладить, нивелировать или уничтожить различия» (см.: Ожегов, 1990: 414) в позициях, оценках, выводах и умозаключениях противоположной стороны, но также переубедить и склонить на свою сторону (подробнее см.: Романов, Романова, 2017; 2018; 2019; 2019а; 2019б; Романов, Романова, Морозова, 2019).

Отмеченную специфику реализации стратегической инициативы *информационного доминирования* в дискурсивном воздействии и контрдискурсивном противодействии сторонников дискурса правды и дискурса постправды можно проследить на примере устного, но не телевизионного интервью с эстонским президентом А. Рюйтелем, взятое обозревателем АиФ Георгием Зотовым в 2005 году после отказа главы Эстонии приехать 9 мая в Москву на празднование Дня Победы. Интервью было опубликовано в газетном издании примерно в следующей редакции (подробнее: АиФ, 2005, № 12; см. также: <http://www.aif.ru/archive/1640045>):

**ПРЕЗИДЕНТ ЭСТОНИИ АРНОЛЬД РЮЙТЕЛЬ:
РАЗВЕ МЫ ВОСХВАЛЯЕМ НАЦИЗМ?**

Эстонцы ждут от русских добрососедства, даже презирая 9 Мая и уважая нацистских прихвостней.

На днях Президент Эстонии (и бывший секретарь ЦК компартии этой республики при СССР) Арнольд Рюйтель отказался прибыть в Москву на 9 Мая. Обозреватель "АиФ" встретился с А. Рюйтелем в Таллине, чтобы выяснить: почему 9 Мая в Эстонии под запретом? Беседа велась через переводчика, но когда президент волновался, то переходил на русский.

(Примечание авторов статьи: ниже арабскими цифрами без буквенной индексации отмечены дискурсивные практики корреспондента-интервьюера, а цифрами с буквенной индексацией – ответные или “закрывающие” дискурсивные практики интервьюируемого).

(1) – Господин Президент, первый вопрос у меня весьма сложный. Понимаете ли вы, что ваш отказ приехать 9 мая в Москву в числе других лидеров стран Евросоюза может иметь далеко идущие последствия?

(1а) – Я никогда не уставал и не устану повторять: советский народ внес большой вклад в разгром фашизма и понес огромные жертвы в этой войне. Но благодарность Красной армии, освободившей эстонцев от гитлеровской оккупации, оказалась перечеркнута самим Советским Союзом, не позволившим Эстонии восстановить свою независимость и сбросившим с башни «Длинный Герман» эстонский флаг. После победы над Германией нам пришлось пережить гибель десятков тысяч людей, лагеря и ссылки. Я не

намерен заставляя кровоточить эти раны в душе эстонцев, но, к сожалению, они еще свежи. Именно поэтому я принял решение остаться 9 мая в Эстонии, со своим народом.

(2) – Тем не менее после демонстративного отказа эстонского парламента объявить 9 мая праздничным днем уже высказываются мнения – видимо, Эстония считает себя вместе с нацистской Германией проигравшей стороной в этой войне.

(2a) – Меня поражает, что могут появляться подобные мнения. Эстония пострадала от нацистской оккупации, и множество эстонцев погибло в сражениях против немецких войск. Такие несправедливые вещи слышать попросту неприятно.

(3) – Однако в пользу этого мнения работает то, что недавно в вашей стране уже в третий раз попытались поставить памятник легионерам 20-й дивизии СС...

(3a) – Прежде всего я намерен уточнить – такая дивизия вообще не существовала.

(4) – Существовала, к сожалению.

(4a1)– Извините, но я не владею точной информацией по каждой дивизии или другим соединениям СС, где они воевали и как их формировали.

(4a2) Однако в любом случае эстонцы в это подразделение мобилизовывались против их желания, что было нарушением международного права – как жители оккупированных территорий они не должны были призываться в армию. (4a3) Нужны ли тут еще какие-либо разъяснения?

(5) – Да. Потому что эстонская дивизия СС называлась «добровольческой». И я думаю, что многие жители Эстонии записывались туда совершенно искренне, по собственному желанию, тем более что СС считались элитными войсками.

– (5a1) И я не могу сказать, что добровольцев вообще не было. (5a2) Но в целом по всей Эстонии людей в СС забирали насильно. (5a3) Более того, их выставляли против эстонского стрелкового корпуса Красной армии, и тогда брат вынужден был стрелять в брата, что, согласитесь, просто чудовищно. Людям приходилось носить свастику против их воли.

(6) – Беда в том, что теперь они делают это весьма охотно. Всех шокирует, когда эстонские ветераны СС выходят на митинги в гитлеровской форме, если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму. В Эстонии же у него нет проблем.

(6a) – Действительно, в Эстонии есть такие люди. В определенные исторические дни они собираются вместе, и я допускаю, что кто-то из них иногда надевает свой старый солдатский мундир. Но одновременно я хотел бы подчеркнуть, что в годы оккупации Эстония имела подпольное правительство, боровшееся против немцев, и многие эстонцы в сентябре 1944 года вели бои с отступающими войсками вермахта. И, с другой стороны, если в России какой-то человек выходит на улицу со свастикой (а

такое случается), мы же не делаем из этого вывода, что Россия пропагандирует фашизм.

(7) – Различие, возможно, в том, что в России даже и не думают ставить памятники людям в эсэсовской форме. А в Эстонии такая попытка недавно произошла уже в третий раз – и, как я осмелюсь предположить, далеко не в последний.

(7a) – Вы прекрасно знаете, что этот памятник был демонтирован. К тому же его появление вовсе не означает нашего уважения к СС. 60 лет назад могилы мобилизованных немцами эстонцев нельзя было даже посещать, их все сровняли бульдозером. Мы должны чтить память всех погибших в эти трудные годы, но в то же время я с вами согласен: не следует прославлять символику нацистского режима. Однако российский МИД использует это для информационных атак на Эстонию, чтобы обвинять ее в якобы восхвалении нацизма.

(8) – А такого не происходит?

(8a) – Безусловно, нет, и происходить не может.

(9) – Тогда разрешите вас спросить, господин Президент, как лично вы относитесь к торжественному переносу из Германии в Эстонию останков последнего командира 20-й эстонской дивизии СС штандартенфюрера Альфонса Ребане? Он был перезахоронен с воинскими почестями, а на камне его могилы выбита надпись: «Кавалеру ордена Рыцарский крест с дубовыми листьями». Это была одна из высших наград Третьего рейха.

(9a) – Я полагаю, что если говорить лично о Ребане, то он участвовал лишь в боях на фронте и абсолютно не принимал участия в уничтожении мирного населения.

(10) – Увы, есть свидетельства, что Ребане сжигал деревни в Ленинградской области, когда участвовал в карательных операциях СС против партизан.

(10a) – Я не видел таких документов и поэтому не могу обсуждать это с вами так подробно. Как я уже заметил, я не историк и не занимаюсь исследованиями действий СС.

(11) – Глава Центра Симона Визенталя по розыску нацистских преступников Эфраим Зурофф в одном из интервью утверждал, что предоставил Эстонии досье на проживающих на ее территории эсэсовцев. Ему было отказано в расследовании – мол, люди, указанные в материалах, в уничтожении евреев не участвовали.

(11a) – (11a1) После восстановления своей независимости Эстония провела серьезные исследования о преступлениях нацистов в годы войны. (11a2) Некоторые судебные процессы не окончены до сих пор, и мы не делаем из этого секрета. (11a3) Конечно, не все материалы пока можно публиковать, но мы ничего не скрывали. (11a4) Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии.

(12) – (12-1) 20 января 1942 года на конференции в Ванзее в Германии Эстония стала первой страной, официально объявленной «юденфрай» – то есть «свободной от евреев». (12-2) Все еврейское население поголовно было уничтожено, включая детей, и (12-3) Гиммлер отмечал «большие заслуги эстонской полиции» в истреблении «низшей расы».

(12a) – Я считаю, что не стоит опираться на слова Гиммлера как единственно правдивого источника. Все очень тщательные исследования, что проводились до сих пор, не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев. Несомненно, какое-то количество эстонцев служило в этой созданной немцами полиции, но могу сказать с полной уверенностью – участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается. Следует опираться не на эмоции, а на факты.

(13) – Мне хотелось бы вернуться к вопросу о памятнике легионерам СС...

(13a) – Ну а мне бы, если честно, не хотелось.

(14) – Понимаю вас.

(14a) – Нет, дело не в этом. Мне кажется, что наша беседа принимает несколько странный оборот. Но еще раз хочу подтвердить, что отдаю должное жертвам советского народа во Второй мировой войне. Я хотел бы, чтобы и вы, и другие россияне поняли: эстонцы не сражались принципиально за режим фашистов, они надеялись восстановить независимость Эстонии. Наша маленькая страна потеряла 200 000 человек, и половина из них погибла в нацистских и советских концлагерях. Когда в России нас поймут, сразу откроется дорога для развития добрососедских отношений.

(15) – Разрешите последний вопрос, господин Президент. Можно ли оправдать абсолютно любые действия тем, что они совершены во имя восстановления независимости страны, в том числе и участие в войне на стороне людоедского режима Адольфа Гитлера?

(15a) – Разумеется, нет. Поэтому и я, и все эстонцы никогда не были и не будем на стороне фашизма. Мы всегда прекрасно понимали, что гитлеровская Германия ни за что не восстановила бы независимость Эстонии, поэтому эстонцы и не поддерживали нацистов в их амбициях и стремлениях. Хочу сказать вам – нам следует искать не те вещи, которые нас разделяют, а те, которые нас объединяют. И, выражая почтение жертвам войны, нельзя забывать, что у нас забрали возможность восстановить свое государство. Позиции России и Эстонии должны сближаться, чтобы мы уменьшили непонимание друг друга.

(16) – Это замечательные слова. Но, после того как вы отказались приехать на столь знаменательную для России дату, сблизиться будет довольно сложно.

(16a) – Я смотрю на это более оптимистично – у России и Эстонии масса общих интересов во многих сферах, и я получил этому подтверждение на недавней встрече с Владимиром Путиным. Для России крайне выгодно

сотрудничать с Эстонией, потому что теперь можно активно использовать возможности членства нашей страны в ЕС. Не надо сразу все воспринимать в штыки, просто попытайтесь нас понять.

(17) – Мы пытаемся. Но это трудно.

(17a) – И нам трудно. Однако давайте все-таки попытаемся.

Георгий Зотов, Таллин – Москва, 2005 г.

КСТАТИ

«СС использовались для целей, которые согласно Уставу являются преступными и включают преследование и истребление евреев, зверства и убийства в концентрационных лагерях, эксцессы, совершавшиеся при управлении оккупированными территориями, проведении в жизнь программы использования рабского труда, жестокое обращение с военнопленными и их убийства... Рассматривая вопрос об СС, Трибунал включает сюда всех лиц, которые были официально приняты в члены СС... Решение о признании преступного характера СС является окончательным и не может подвергаться оспариванию на любом последующем процессе по делу отдельных членов организаций. Нюрнбергский процесс. Сборник документов в 8 томах, т. 8. Москва, Юридическая литература, 1997 г. Зотов Г., 2005».

Рассмотрим подробнее вербальное поведение участников приведенного интервью с определенными комментариями, выдержанными в русле исходных позиций, определений и терминов проанализированных ранее политических интервью, а также массива политической дискурсии информационных атак (подробнее см.: Романов, Романова, Морозова, 2018; 2019; также см.: Романов, Романова, 2017; 2018a; 2018b; 2019). Одновременно напомним, что дискурсивный vs контрдискурсивный обмен между корреспондентом (автором, журналистом, инициатором, интервьюером, “хозяйном” студии) и политическим деятелем (адресатом, приглашенным гостем, интервьюируемым, респондентом) осуществляется в рамках типовой гиперфреймовой конфигурации «**Обвинение**» с присущими ей базовыми терминальными, слотовыми, подслотовыми и субслотовыми валентными узлами (о специфике валентных связей терминальных, слотовых и субслотовых узлов фреймовых конфигураций см.: Романов, 1988; 1991; 2005; 2006; 2014; 2016; см. также: Романов, Романова, Морозова, 2017; 2018; 2019).

Целесообразно уточнить, что фреймовый сценарий дискурсивного взаимодействия собеседников в рамках типовой конфигурации «Обвинение» задает определенный (примерный) порядок в чередовании действий партнеров, которые составят основу программной реализации глобальной цели иллокутивного потенциала названной конфигурации. Для реализации типового иллокутивного потенциала «Обвинение» инициатору (журналисту, интервьюеру) важно придерживаться в своих вербальных действиях целевой установки на выстраивание порядка в следовании иницирующих шагов таким образом, чтобы существовала возможность установить **фактуальность повода** для реализации глобальной цели:

а) установить, зафиксировать и, вербально принуждая, побудить адресат признать фактуальность (факт) своей сопричастности к содержанию тематического пространства терминального узла «Инцидент», чтобы доказать такую сопричастность к сложившемуся положению дел, которая и послужила для инициатора поводом обвинить адресата,

б) предусмотреть негативное отношение адресата к сложившемуся положению дел и поэтому не допускать выработки отрицательного отношения с его стороны к такому положению дел,

в) убедить (показать, продемонстрировать и фактуально доказать), что сложившееся положение дел обуславливает дискомфортное состояние инициатора,

г) продемонстрировать стремление инициатора к снятию своей дискомфортности, и на данном фоне

д) раскрыть бездействие адресата, не заботящегося о снятии наступившей дискомфортности.

Адресат, в свою очередь, стремится выразить свое отношение к перечисленным условиям реализации глобальной цели (*а–д*) в предложенном тематическом пространстве терминала «инцидент» с тем, чтобы нейтрализовать, нивелировать, ослабить, отрицать или исказить (диффамировать) фактуальную основу действий инициатора по

перечисленным программным условиям реализации цели. Очевидно, что условия (а–д) реализации глобальной цели типового иллокутивного потенциала «обвинение» будут определять стратегию поведения инициатора, коррелирующую с его планом вербальных действий: предъявляя реальные факты, доказать причастность адресата к дискомфортному положению дел в тематическом пространстве терминала «инцидент» и, в случае неприятия адресатом приведённых фактов, уличить адресат в стремлении скрыть истину и использовать постправдивую (диффамационную) дискурсию в качестве оправдания своей позиции. В этой связи отметим, что *стратегия* как некий тип поведения партнера по общению в конкретной коммуникативной ситуации связана с определенным способом приобретения, сохранения и использования информационных данных для достижения определенных целей, соотносимых с планами их реализации. Из этого следует, что глобальная стратегия в процессе реализации коммуникативной цели типового сценария может и должна, например, в случае проявления коммуникативных рассогласований между собеседниками, варьироваться в виде различных тактических или этапных стратегий, предусмотренных (предписанных) типовым иллокутивным потенциалом «Обвинение» (подробнее см.: Романов, 1988: 110-114).

Безусловный интерес для анализа стратегий и тактик вербального поведения собеседников в политическом интервью представляет дискурсивный механизм информационного доминирования и дискурсивного противоборства, способствующий

а) выявлению и пониманию «дискурсивного принуждения» к признанию использовать фактуальную основу дискурсивных практик друг друга,

б) ингибированию распространения постправдивой (нефактуальной, диффамированной, срежиссированной) информации и

в) выработки защиты от постправдивой информации и поведения, нацеленной на отстаивание фактуальности.

Поэтому особую значимость в политическом противостоянии дискурсивных практик «правды» (фактуальности) и «постправды» (фейков) приобретает начальная фаза дискурсивного взаимодействия, в которой корреспондент-инициатор, задавая вопрос, открывает взаимодействие и определяет дискурсивно-тематический формат, а также направленность и объём иллокутивной доминанты дискурса-интервью.

Начиная интервью, обозреватель АиФ (также: корреспондент, журналист, интервьюер) в своей эмоционально-нейтральной вопросительной реплике (1), подаваемой в иллокутивном формате «Запрос» («*Понимаете ли вы, что...*»), не просто обозначает тему дискурса-интервью, но также дополнительно привносит **превентивно-обвинительный оттенок** в высказанное утверждение («*...ваш отказ приехать 9 мая в Москву в числе других лидеров стран Евросоюза может иметь далеко идущие последствия*») и транспонирует имплицитным образом иллокутивный формат «утверждение-запрос» в функционально-прагматическое «**утверждение-обвинение**»:

(1) – *«Господин Президент, первый вопрос у меня весьма сложный. Понимаете ли вы, что ваш отказ приехать 9 мая в Москву в числе других лидеров стран Евросоюза может иметь далеко идущие последствия?»*

(1a) – *«Я никогда не уставал и не устану повторять: советский народ внес большой вклад в разгром фашизма и понес огромные жертвы в этой войне. Но благодарность Красной армии, освободившей эстонцев от гитлеровской оккупации, оказалась перечеркнута самим Советским Союзом, не позволившим Эстонии восстановить свою независимость и сбросившим с башни «Длинный Герман» эстонский флаг. После победы над Германией нам пришлось пережить гибель десятков тысяч людей, лагеря и ссылки. Я не намерен заставляя кровоточить эти раны в душе эстонцев, но, к сожалению, они еще свежи. Именно поэтому я принял решение остаться 9 мая в Эстонии, со своим народом».*

И хотя в инициативном репликовом шаге (1) корреспондент в эксплицитной вопросительной форме лишь очерчивает, т.е. предлагает открыто согласовать и утвердить лимнологический объём фактуальности конкретного тематического пространства предлагаемого взаимодействия –

«отказ приехать 9 мая в Москву», он, вместе с тем, одновременно каузирует своего респондента (от лат. *respondeo* – *отвечать*; *отзываться*; *оправдываться*; *являться*; *платить*) назвать «причины отказа» президента Эстонии от поездки в Москву, тем самым, побуждая его, принять на себя ответственность за обоснованность причин своего отказа и признать понимание возможных последствий за своё негативное, с точки зрения корреспондента, решение. Используемая корреспондентом-инициатором прагматическая транспозиция иллокутивной направленности вопроса-утверждения функционально-семантически прочитывается адресатом как констатация (т.е. утверждающий, непреложный факт наличия) семантического признака «быть причастным к чему-либо негативному, за что могут наступить *далеко идущие последствия*», которая (констатация) иллокутивно превращается в обвинительный побуждающий *директив* «ответить за отказ» (о типах прагматических транспозиций и их взаимосвязи см.: Романов, 1988: 147-155; 2005: 115-123; 2006).

Очевидно, что прагматическая транспозиция констатации вкупе с обвинительным директивом была адресатом не просто «получена», «понята», но и «принята» (Романов, 1988; 1991; 1992; 1995; 2000; 2005; Романов, Ходырев, 2001), о чем свидетельствует его ответная реплика, закрывающая иницируемый шаг. Соглашаясь с тематическим пространством формата интервью и справедливо принимая его фактуальность, адресат (интервьюируемый), тем не менее, не полностью принял обвинительный уклон транспонированного директива. Поэтому своё частичное несогласие адресат выразил в ответной реплике, применив аргументативный риторический приём «**Да...**, **но...**» (о векторной направленности «согласие – частичное согласие – полусогласие – частичное несогласие – абсолютное несогласие» в семантическом объёме коммуникативного конструкта «согласие» см.: Романов, 1995; Морозова, 2005). Поясняя причину своего отказа, интервьюируемый собеседник в первой части ответного речевого действия пытается придерживаться фактуальной основы предложенного

тематического пространства слота, подчеркнув роль советского народа в борьбе против фашизма. Очевидно, что своим ответным шагом адресат старается смягчить категоричность своего последующего несогласия, чтобы нивелировать возможные разногласия с журналистом-инициатором и, уклоняясь от прямого ответа и от признания причины отказа, стремится уйти от обвинительного директива корреспондента, используя противительную форму возражения. Сравните: (1а) [Да] *«Я никогда не уставал и не устану повторять: советский народ внес большой вклад в разгром фашизма и понес огромные жертвы в этой войне. Но благодарность Красной армии, освободившей эстонцев от гитлеровской оккупации, оказалась перечеркнута самим Советским Союзом, не позволившим Эстонии восстановить свою независимость и сбросившим с башни «Длинный Герман» эстонский флаг».*

В последующих репликах своего ответа *«После победы над Германией нам пришлось пережить гибель десятков тысяч людей, лагеря и ссылки. Я не намерен заставлять кровоточить эти раны в душе эстонцев, но, к сожалению, они еще свежи»* интервьюируемый применяет риторико-стратегический приём *«обращение к эмоциям»*, чтобы актуализировать в конфигурации гиперфрейма эмоционально окрашенный терминал, который «запускается» им при помощи использования экспрессивной лексики: *«гибель десятков тысяч людей», «лагеря и ссылки», «раны в душе», «кровоточить».*

Таким образом, *дебютный обмен* диалогическими репликами (диалогический дебют обмена вербальными шагами 1–1а) показывает, что корреспондент своими инициативными репликами обозначил фактуальность референтной области тематического пространства интервью и функциональный потенциал его иллокутивного формата (функционально-семантическую «окраску») в виде имплицитного обвинения. Отвечая, адресат своими начальными вербальными действиями подтверждает обозначенную фактуальность (репликовая часть с «Да»), однако в последующих ответных

репликах он пытается *переместить* диалогическое общение в другое тематическое пространство и открывает для обсуждения близкий к фреймовой вершине в валентном отношении новый слот «Советский режим – страдания эстонского народа», чтобы одновременно пробудить не только у интервьюера, но и у читателей АиФ сочувствие, сострадание и понимание причин своего отказа от поездки в Москву. Стратегически такой переход к другим, необозначенным интервьюером, но валентно близким по смыслу и тематике фреймовым слотам («Война» – «Страдания» – «Невинные жертвы») означает попытку адресата перехватить инициативу в диалого-интервью и перейти к другому тематическому пространству (ср. часть реплики с возражением “**Но**”), чтобы избежать высказанного корреспондентом директивного обвинения.

Журналист-интервьюер, однако, почувствовал изменение в линии поведения адресата и ответил («отзеркалил») ему таким же стратегическим ходом: он расширил предложенное и согласованное тематическое пространство, дополнив его фреймовым слотом равенства проигравших сторон («нацистская Германия проиграла войну = Эстония проиграла войну»), ср.:

(2) – *«Тем не менее после демонстративного отказа эстонского парламента объявить 9 мая праздничным днем уже высказываются мнения – видимо, Эстония считает себя вместе с нацистской Германией проигравшей стороной в этой войне».*

(2а) – *«Меня поражает, что могут появляться подобные мнения. Эстония пострадала от нацистской оккупации, и множество эстонцев погибло в сражениях против немецких войск. Такие несправедливые вещи слышать попросту неприятно».*

Своим расширенным слотом равенства корреспондент во втором репликовом шаге усиливает давления на адресата при помощи логико-риторического приёма «**проведения аналогии**»: «отрицание победы вместе с Советским Союзом, т.е. с современной Россией равно проигрышу Эстонии вместе с Германией». В смысловом плане подобную аналогию можно проинтерпретировать примерно так: «Если Вам нечего праздновать в этот день, значит, Вы – не победители, а проигравшие. А проиграть в этой войне

можно было только в том случае, если Вы находились на стороне гитлеровской Германии». Необходимо отметить тот факт, что журналист старается смягчить категоричность такого выводного утверждения и использует “дипломатическую” форму своего утверждения в виде неопределенно личной конструкции – *«высказываются мнения»*.

Однако даже в таком «смягченном» виде реплика интервьюера вызывает резкое несогласие со стороны партнера по общению, показателями которого являются следующие эмоционально окрашенные слова: *«меня поражает..., такие несправедливые вещи попросту неприятно слышать...»*. Очевидно, что интервьюируемый президент пытается таким способом выйти из тематического пространства гиперфрейма «Вина государства в поддержке нацизма», который актуализируется речевыми действиями его визави.

Важно отметить, что в дебютном начале интервью инициатор диалогического взаимодействия не стремился к эксплицитному обвинению своего собеседника. Он пытался на этом этапе диалога выяснить конкретную причину реальных помех, не позволивших президенту Эстонии приехать в Москву на празднование Дня Победы. Действительно, на момент дебютного начала интервью корреспондентом чётко ещё не эксплицировались иллокутивные параметры и рамки актуализируемого фрейма. Также ещё не были заданы (обозначены) инициатором тематические блоки в виде конкретных слотовых терминалов и узлов. Но вместе с тем, эмоциональная сторона поведения адресата уже чётко высветила иллокутивную направленность и силу фрейма «обвинение», которые точно считывается вторым коммуникантом (президентом Эстонии) и заставляет его пытаться избежать взаимодействия в рамках этого фрейма еще до начала его фактической актуализации.

В этом плане показательными являются следующие шаги инициатора, в которых он приступает к фактуальной актуализации выбранного фреймового пространства. Здесь примечательна первая попытка инициатора актуализировать фактуальность тематического пространства гиперфрейма

путём ввода первого аргумента: (3) – *«Однако в пользу этого мнения работает то, что недавно в вашей стране уже в третий раз попытались поставить памятник легионерам 20-й дивизии СС...»*.

Показательно, что корреспондент вводит тематическое пространство гиперфрейма в эмоционально нейтральном ключе и не стремится применять оценочную лексику. При этом, ключевые слова интервьюера, актуализирующие фреймовые узлы, слоты и субслоты, являются семантическими навигаторами денотативно-референтной соотнесённости высказываемых утверждений с конкретными фактами – *«попытка установить памятник»* (первый фактуальный тематический слот терминального узла «прецедент»), *«установка памятника»* (второй фактуальный тематический блок – *«участие государства, как структуры, дающей официальное разрешение на установку памятника или не препятствующей такому установлению»*), *«точное название соединения – 20-я дивизия СС»* (третий фактуальный блок – *«нарушение закона, международных правовых актов, клеймивших соединения СС как преступные»*). При этом все три тематических блока прецедентны в плане фактуальности и могут документально верифицироваться на «истину / правду – ложь / постправду», т.е. на «было – не было». Сравните:

(3а) – *«Прежде всего я намерен уточнить – такая дивизия вообще не существовала»*.

(4) – *«Существовала, к сожалению»*.

(4а-1) – *«Извините, но я не владею точной информацией по каждой дивизии или другим соединениям СС, где они воевали и как их формировали»*.

(4а-2) *«Однако в любом случае эстонцы в это подразделение мобилизовывались против их желания, что было нарушением международного права – как жители оккупированных территорий они не должны были призываться в армию»*. (4а-3) *«Нужны ли тут еще какие-либо разъяснения?»*

Любопытно отметить, что впервые в интервью на стыке диалогических шагов интерактантов (3-3а, 4 – 4а-1, 4а-2, 4а-3) адресат в демонстративной манере начал реализовывать открытую контрдискурсию, выраженную в

использовании стратегии «*нивелирования различий*» в точках зрения на одни и те же события, факты, явления и их оценку. Иначе говоря, с позиций постправдивой дискурсии интервьюируемый впервые предпринимает попытку *прямого оппонирования* собеседнику и использует субъективно-личностную, ***постправдивую оценку*** для того чтобы «уравнять», «сгладить» или «уничтожить различия» (Ожегов, 1990: 414) между имевшим место фактом и эмоционально-личностной оценкой этого факта. В возникшей ситуации открытого противостояния обращает на себя внимание то, что в ответном шаге президент Эстонии проявил свой эмоционально-психологический дискомфорт – раздражённость, потерю выдержки и поспешность в желании как можно быстрее ответить, чтобы закрыть речевой шаг инициатора. Взвинчивая темп диалогического обмена репликами посредством поспешного ответа, президент фактически проявляет неуважение к собеседнику тем, что прерывает его и, как бы одергивая, ставит на своё место. Именно с этой целью он использует риторическую «***технику категорического уточнения***» или технику «***отсылки к деталям, мелочам***» в агональном диалоге-споре: «*Прежде всего я намерен уточнить – такая дивизия вообще не существовала*».

Эмоциональная неустойчивость, раздражённость и желание быстрее выйти за пределы «неудобного» с точки зрения реальной фактуальности тематического пространства подводит интервьюируемого, когда он пытается оспорить («нивелировать») достоверность третьего тематического блока или подслота, безосновательно, но категорически утверждая, что «*нет дивизии, что нет никакого нарушения закона*». Тем не менее, после повторного утверждения аргумента журналистом (см. дискурсивный шаг-4), адресат начинает сдавать свои позиции (и в первую очередь – статусно-ролевые) и с «потерей лица» признается, что не владеет достаточной информацией по данному вопросу. Поспешное желание адресата перехватить при помощи категоричной манеры постправдивой констатации инициативу по ведению и управлению диалогическим обменом выдаёт его *контрдискурсивную*

установку на оспаривание и нивелирование утверждаемой журналистом фактуальности. Примечательна также и следующая дискурсивная практика адресата (4а-2), в которой он, несмотря на собственную, якобы, неосведомленность (см.: 4а-1), тем не менее, вносит уточняющее замечание касательно ряда деталей, в которых стремится растворить сущность обсуждаемых фактов.

Представляется интересным проследить последовательность дискурсивных практик президента Эстонии с точки зрения их истинности, соответствия реальному положению дел и обыденному “здравому смыслу”: «(3а) ... *«такая дивизия вообще не существовала»*; «(4а-1) ... *«я не владею точной информацией по каждой дивизии»*; «(4а-2) ... *«эстонцы в это подразделение мобилизовывались против их желания»*. Последнее высказывание семантически прочитывается как утверждающее признание автора о факте, что «данная дивизия существовала», и что «я владею точной информацией, как и кого туда мобилизовывали». Именно это высказывание президента Эстонии подкрепляется ссылкой на авторитет международного права – *«мобилизовывались против их желания, что было нарушением международного права»*. Манипулятивная сущность высказанного в такой форме признания реальной фактуальности вместо обманного (фейкового) нивелирования риторической техникой «*да ... , но ...*» тематических деталей фреймовых слотов и подслотов есть технологическое использование интенциональной направленности высказывания как техники «вызвать у собеседника сочувствие».

Без сомнения, использование такой манипулятивной техники адресатом демонстрирует его косвенное признание того, что он понимает слабость своей защитной позиции и осознает необходимость выправить своё положение. Для этой цели интервьюируемый президент использует риторическую технику «вопроса-вымогательства» «(4а-3) *Нужны ли тут еще какие-либо разъяснения?*» Риторическая эффективность такой техники очевидна. Во-первых, адресат своим вопросом даёт понять, что он

исчерпывающим образом ответил на вопрос – утверждение журналиста: «зачем нужно что-либо ещё добавлять, когда все и так ясно и я все уже объяснил». Во-вторых, своим вопросом он пытается перехватить инициативу, чтобы занять в диалоге позицию «ведущего, а не ведомого» с целью самому определять направление реализации слотовых пространств (Романов, 1991; 1992; 1995; Романов, Романова, Федосеева, 2013: 69-86). И, в-третьих, самое важное: данная техника демонстрирует активную наступательную позицию с директивной агрессивностью упрёка, включающую линию *троллинга* («обидного мелкого подзадоривания) – «зачем берёшься спрашивать о том, что не требует доказательства, что и так должно быть понятно любому человеку».

Инициатор успешно блокирует стремление адресата по перехвату данной риторической техники, отвечая вместо ожидаемого согласно правилам речевого этикета в статусном диалоге «нет, спасибо» твердым признанием – (5) «Да». Сравните:

5) – *«Да. Потому что эстонская дивизия СС называлась «добровольческой». И я думаю, что многие жители Эстонии записывались туда совершенно искренне, по собственному желанию, тем более что СС считались элитными войсками.*

– (5a-1) *И я не могу сказать, что добровольцев вообще не было. (5a-2) Но в целом по всей Эстонии людей в СС забирали насильно. (5a-3) Более того, их выставляли против эстонского стрелкового корпуса Красной армии, и тогда брат вынужден был стрелять в брата, что, согласитесь, просто чудовищно. Людям приходилось носить свастику против их воли».*

Своим прямым ответом «Да» инициатор блокирует возможность адресата вырваться из обсуждаемого слотового пространства и принуждает его согласиться с признанием приведённого факта – *«Да. Потому что эстонская дивизия СС называлась «добровольческой».* Неоспоримость фактуальности данного аргумента позволяет журналисту перейти в контратаку. Используя неоспоримый аргумент о добровольности эстонцами выбора, интервьюируемый развивает свою контратаку и разбивает контраргумент о недобровольности вступления эстонцев в данную дивизию СС.

Адресату ничего не остаётся, как вернуться к испытанному приёму нивелирования с противопоставлением «да ..., но ...» и отражать контратаку журналиста репликовыми шагам (5а-1 – 5а-2), в которых первая часть выражает согласие («да») с предыдущим шагом собеседника, а вторая часть («но») переводит это согласие уже в несогласие: «(5а-1) *«И я не могу сказать, что добровольцев вообще не было. (5а-2) Но в целом по всей Эстонии людей в СС забирали насильно».* Репликовая практика-действие (5а-3) являет собой риторическую технику «апелляции к чувствам», когда здоровое (рациональное) обсуждение вопроса подменяется апелляцией к чувствам (или эмоциональным воздействием на чувства) собеседника с целью отвлечь его от главной темы разговора и принятия нужной для адресата точки зрения, оценки, установки: «(5а-3) *Более того, их выставляли против эстонского стрелкового корпуса Красной армии, и тогда брат вынужден был стрелять в брата, что, согласитесь, просто чудовищно».*

Нагнетание эмоциональной атмосферы («эстонцы выставлялись против эстонцев» и тогда «брат был вынужден стрелять в брата»), формальное обращение к собеседнику за сочувствием, сопереживанием в виде апелляционного призыва присоединиться к высказываемой точке зрения и согласиться с оценкой «что, согласитесь, просто чудовищно» – все эти вербальные практики президента направлены либо на смену тематического пространства, из которого журналист не выпускает своего адресата, либо на переключение фокуса внимания на эмоциональную сторону: «*что, согласитесь, просто чудовищно».* Если эмоциональная атмосфера, как отмечают психолингвисты и нейрофизиологи, есть правда, то интервьюируемый президент предлагает охваченному эмоциональной волной журналисту считать правдой всё то, что адресат в роли респондента излагал раньше. Смена фокуса внимания и обсуждения, а также смена тематического пространства имеют для адресата на данном этапе интерактивного общения одну цель – вывести диалогическое взаимодействие за рамки предложенного инициатором фреймового пространства и

предложить переформатировать иллокутивную направленность дискурса-интервью в плоскость новой фреймовой конфигурации «Ужасы гражданской войны». Взаимодействие в новом формате иллокутивного и тематического пространств, в рамках которого, по мнению адресата-президента, могут возрасти шансы втянуть журналиста-интервьюера в эмоциональное обсуждение, чтобы создать эмоциональную атмосферу сочувствия, вызвать сопереживание как со стороны собеседника-журналиста, так и со стороны всей массовой аудитории по поводу тематического пространства подслота «Ужасы гражданской войны» и тем самым трансформировать иллокутивную направленность беседы-интервью в другое русло.

Таким образом, *дебютный этап взаимодействия собеседников* в рамках политического дискурса-интервью обусловлен предварительными (пресуппозитивными или истинными) условиями фактуального события – «отказ президента Эстонии приехать 9 Мая в Москву на празднование Дня Победы» и фактуальность этого события, тематическое пространство которого является конститутивным элементом фреймовой конфигурации, не только верифицируется в терминале «инцидент» гиперфреймовой конфигурации документально - проверяемыми параметрами «было – не было», но и признается фактуальным участниками интервью: «Эстонский президент А. Рюйтель отсутствовал 9 Мая в Москве». Дискурсивное начало обмена интерактивными практиками (см. 1–5а-3) имплицитно очертило лимнологические параметры иллокутивной направленности гиперфреймовой вершины со значением «обвинение» и наметило примерный (начальный, предварительный, отправной, стартовый) объём фактуальности обсуждаемого тематического пространства. На этом этапе обозначились также некоторые расхождения между собеседниками в оценке причин указанной фактуальности, которую (оценку) интервьюирующий и интервьюируемый представляли с разных позиций, используя ряд эффективных риторико-логических техник и манипулятивных приёмов семантической диффамации.

Использование обозначенных техник и приёмов на начальном этапе дискурса-интервью свидетельствует о «жёсткой конкуренции» в отстаивании своих статусно-личностных позиций и противостоянии друг другу как в перехвате и развитии коммуникативной инициативы по линии «ведущий – ведомый» в интерактивном общении (см.: Романов, 1992; 1995; 2000; 2002: 60), так и в противоборстве за иллюкативную направленность относительно слотового наполнения тематического пространства информационными сведениями (данными): «было / не было»; «точно / приблизительно», «война против фашистских захватчиков / гражданская война», «эстонцы добровольно вступали в дивизию СС / по всей Эстонии людей в СС забирали насильно». При этом дискурсивное поведение первого собеседника-журналиста (инициатора, интервьюера) характеризуется *а)* стремлением опираться на фактуальную основу в своих действиях-практиках, *б)* констатацией аргументных фактуальных констант без оценочных компонентов, *в)* выявлением «болевых» и уязвимых для адресата точек в тематических пространствах субслотов терминала (слота) прецедентности (субслот-1), государственной политики относительно к факту прецедентности – отказ приехать 9 Мая на День Победы в Москву (субслот-2) – в имплицитной форме и подчеркивание в имплицитной форме фактуальности нарушения государством международных законных актов (субслот-3). Дискурсивное поведение второго собеседника (гостя, интервьюируемого, респондента, адресата) отмечено *а)* стремлением оспорить достоверность фактуальности субслотов (1-3) терминала «прецедент», *б)* попыткой выхода за пределы тематического пространства терминала «прецедент», заблокированной, однако, журналистом-инициатором, *в)* вводом специальных техник через использование эмоционально окрашенной лексики.

Пограничная линия обмена практиками (1–5а-3) и (6–6а) примечательна также тем, что она фиксирует *переход* собеседников к *расширению слотовых пространств* терминала «инцидент» в типовой

метаконфигурации «обвинение», что, в свою очередь, порождает неизбежное усиление противостояния сторон в стремлении “перезаформатировать”, “перепрограммировать” и переубедить друг друга в правоте (фактуальности) своих исходных позиций и актуализации новой – правдивой или постправдивой – аргументации. Сравним, например:

(б) – *«Беда в том, что теперь они делают это весьма охотно. Всех шокирует, когда эстонские ветераны СС выходят на митинги в гитлеровской форме, если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму. В Эстонии же у него нет проблем.*

(ба) – *Действительно, в Эстонии есть такие люди. В определенные исторические дни они собираются вместе, и я допускаю, что кто-то из них иногда надевает свой старый солдатский мундир. Но одновременно я хотел бы подчеркнуть, что в годы оккупации Эстония имела подпольное правительство, боровшееся против немцев, и многие эстонцы в сентябре 1944 года вели бои с отступающими войсками вермахта. И, с другой стороны, если в России какой-то человек выходит на улицу со свастикой (а такое случается), мы же не делаем из этого вывода, что Россия пропагандирует фашизм».*

Заслуживает особого внимания любопытный приём, который применяет журналист: он неожиданно вводит в диалогический оборот *моббинговую технику* с оценочным компонентом («всех шокирует») для акцентирования субслотов (5а-2 – 5а-3) фреймовой конфигурации, отражающим параметр моральной оценки фактуального содержания ответных реплик президента Эстонии: «(5а-2) **Но** в целом по всей Эстонии людей в СС забирали насильно. (5а-3) Более того, их выставляли против эстонского стрелкового корпуса Красной армии, и тогда брат вынужден был стрелять в брата, что, согласитесь, просто чудовищно». Примечательно, что используемая инициатором на этом этапе интервью *моббинговая техника* отличается от агрессивных моббинговых практик жёсткого противостояния, описанных ранее в работах (Романов, Романова, 2017; 2018б; 2019б; Романов, Романова, Морозова, 2019). Отличие моббинговой техники в реплике (б) от других агрессивных моббинговых техник, рассмотренных ранее в политических интервью, заключается в том, что агрессивные моббинговые практики технологически направлены на

фреймовое пространство целиком и затрагивают тематическое пространство всех терминалов фреймовой конфигурации, конституирующей тот или иной тип дискурса-интервью. Их задача – сделать тематическое пространство включенных во фреймовую конфигурацию терминалов «легитимным», «достоверным», «правдивым», независимо от их фактологичности.

Но на переходном этапе обмена дискурсивными практиками (б–ба) инициатор вводит моббинговую практику («всех шокирует») вместе с оценочным компонентом («шокирует»), который позволяет точнее заострить внимание на моральной стороне утверждаемого факта, чтобы ещё сильнее интенсифицировать свою моральную правоту как объективного журналиста, утверждающего фактуальность своего сообщения: *«всех шокирует, что ... эстонские ветераны СС выходят на митинги в гитлеровской форме. .. Беда в том, что в Эстонии же у него нет проблем»*. И следующим шагом журналист ещё интенсивнее атакует своего собеседника: опираясь на фактуальность аргумента, затрагивающего моральную оценку своего фактуального утверждения, он пресуппозитивно ссылается на нелегитимность эстонских ветеранов СС – *«если человек сделает то же в Германии, то попадет в тюрьму»*. Ключевые слова журналиста, актуализирующие фактуальность фреймовых субслотов, таковы:

- «митинг ветеранов СС» (первый аргумент, фиксирующий доказательство нелегитимной деятельности ветеранов СС в Эстонии),
- «митинг» (второй аргумент, доказывающий заинтересованное участие государства, как структуры и дающей правовое разрешение на проведение митинга или не препятствующей таковой акции),
- «СС и гитлеровская форма» – (третий аргумент, который указывает на нарушение закона и международных правовых актов, заклеивших соединения СС как преступные).

Примечательно, что для усиления воздействующего эффекта своих фактуальных аргументов журналист использует после актуализации фреймовых узлов *риторический приём сравнения*, когда он в качестве

основания для логической процедуры сравнения в третьем аргументе выбирает Германию, страну, с которой содержательно связано все фреймовое пространство данного диалога-интервью. Именно семантическая основа *риторического сравнения* не позволяет адресату в постправдивой манере пренебрегать фактуальностью оценки-утверждения и лингвистически ограничивает расширение слотовых пространств терминала «инцидент» в типовой конфигурации.

Тем не менее, президент Эстонии пытается противодействовать такому ограничению, используя при защите своей позиции *тактику «взлома структуры»* фрейма. Установив, что в своей вопросительной реплике журналист-интервьюер объединил два тематических блока в общее пространство терминала («государство» и «нарушения закона» по линии прославления нацизма»), эстонский президент в ответной реплике мгновенно атакует эту смысловую связь двух тематических пространств, используя для атаки приём «семантической диффамации», который размывает денотативно-референтную область ключевых лексем использованного журналистом метода оценочного сравнения и нивелирует смысловую связь между ними. Иначе говоря, чтобы избежать «цугцванга», семантической ловушки и чтобы не оказаться логически «принужденным» признать фактуальную правоту утверждений интервьюера, президенту-адресату нужно диффамировать (подменить) семантику ключевых лексем. Изменяя её, он должен не допустить создания общего тематического пространства двух слотовых блоков и выйти из логического тупика.

С этой целью А. Рюйтель прибегает к приёму «*семантического нивелирования*» (или «*семантической подтасовки*») своих ключевых лексем. Так, в частности, «ветеранов СС» он называет «кто-то из них (не по своей воле призванных людей)», а униформу гитлеровских СС именуется «старым солдатским мундиром». В результате, по мнению интервьюируемого, тематический блок первого субслота заблокирован (или нейтрализован) и выведен из общего фреймового пространства дискурса-

интервью. Аналогично он решает задачу и с ключевыми лексемами тематического пространства второго субслота. И вот уже «митинги ветеранов СС» переименовываются в «определенные исторические дни», когда «люди» в «старых солдатских мундирах собираются вместе». По замыслу адресата-респондента, тематическое пространство второго субслота также надежно «заблокировано» и выведено из тематического дискурсивного пространства. В итоге, с точки зрения респондента, смысловая связка двух фреймовых слотов оказывается логически разорванной. При этом нельзя не отметить, что, переходя в вербальную контратаку, эстонский президент не забыл вернуть корреспонденту допущенную им статусную оплошность и потерю «лица». Для этой цели он «возвращает» своему партнеру по беседе риторический ответный ход в виде логической процедуры сравнения, используя в качестве объекта сравнения Россию (по аналогии с Германией у журналиста) и иронично подчеркивая, что подобные сравнения не должны оказывать воздействия на смысловую сферу дискурса-интервью – «мы же не делаем из этого вывода, что Россия пропагандирует фашизм».

Таким образом, *на переходном этапе* поведение корреспондента Г. Зотова характеризуется стремлением использовать конкретные факты для актуализации терминального тематического пространства «инцидент». С этой целью он использует метод сравнения, а также оценочную лексику в сочетании с моббинговым воздействием для косвенного доказательства нарушения международного закона в Эстонии о пропаганде фашизма. В свою очередь, респондент делает попытки взломать структуру фреймовой конфигурации путём блокировки двух тематических пространств в субслотах, чтобы выйти за пределы семантической валентности фреймовой вершины «обвинение». Используя метод сравнения в качестве «ответного укола», интервьюируемый эксплицитно выражает своё несогласие с утверждениями корреспондента и подчёркивает свою оценку высказанных корреспондентом утверждений как недостоверную.

Однако торжество адресата по поводу «ответного укола» при использовании метода сравнения обернулось уже в следующей – третьей – фазе дискурсивного взаимодействия *логической ловушкой* для эстонского президента. Эта фаза примечательная тем, что её начало связано с рутинным повтором уже использованного *первого* аргумента, связанного с логической процедурой «сравнение». На первый взгляд, может показаться, что повторное использование в тематическом пространстве одного и того же аргумента, пусть, даже и очень сильного, как правило, не достигает нужного результирующего эффекта. У аргумента исчезает элемент новизны, что позволяет адресату действовать при повторной реакции более продуманно, замедляя ритм и темп дискурсивного взаимодействия. Однако эффект сравнения послужил отправным моментом для стремительной вербальной атаки корреспондента:

(7) – *«Различие, возможно, в том, что в России даже и не думают ставить памятники людям в эсэсовской форме. А в Эстонии такая попытка недавно произошла уже в третий раз – и, как я осмелюсь предположить, далеко не в последний».*

Примечательно, что журналист практически в эксплицитном виде обозначает иллокутивную направленность дискурса-интервью в типовой гиперфреймовой конфигурации «обвинение». Не используя оценочную лексику, он актуализирует в своих фактуальных утверждениях ключевые слова, которые активируют фреймовые субслоты терминала «инцидент», а именно: *а) – попытка* (неоднократная) *установить памятник* (первый субслот терминала – «прецедент»), *б) установка памятника* (второй субслот – участие государства, как структуры, дающей разрешение на установку памятника или не препятствующей таковой), *в) люди в эсэсовской форме* (третий субслот – нарушение закона и нарушение международных правовых актов, заклеивших соединения СС как преступные).

(7а) – *«Вы прекрасно знаете, что этот памятник был демонтирован. К тому же его появление вовсе не означает нашего уважения к СС. 60 лет назад могилы мобилизованных немцами эстонцев нельзя было даже посещать, их все сровняли бульдозером. Мы должны чтить память всех*

погибших в эти трудные годы, но в то же время я с вами согласен: не следует прославлять символику нацистского режима. Однако российский МИД использует это для информационных атак на Эстонию, чтобы обвинять ее в якобы восхвалении нацизма.

(8) – А такого не происходит?

(8a) – Безусловно, нет, и происходит не может».

В своем ответном шаге (7a) интервьюируемый участник дискурсивного взаимодействия ставит под сомнение содержание первого и второго субслотов (a) и (б), валентно связанных с фреймовым терминалом «инцидент», отрицая тем самым фактуальность прецедента – (a) «попытки установить памятник были» и (б) «памятник был установлен» (ср.: «его <памятника> появление вовсе не означает нашего уважения к СС» и «Вы прекрасно знаете, что этот памятник был демонтирован»). Попытка президента отрицать фактуальность содержания двух указанных субслотов не является простым несогласием с имевшим место положением дел: «памятник был, но теперь памятника нет, демонтирован». Отрицание фактуальности содержания двух субслотов показывает тактико-стратегический *дефензив*, при помощи которого президент одновременно выводит дискурсивное взаимодействие из предлагаемого тематического пространства в иную фреймовую конфигурацию – «Память о погибших на войне», которая по количеству валентных связей гораздо масштабнее чем оба активированных субслота, с одной стороны, а с другой стороны, она уравнивает интервьюера и интервьюируемого перед общей памятью жертвам нацизма. Больше того, потенциальная возможность активации любым участником интервью всевозможного количества валентных связей этой конфигурации будет снимать противопоставление в дискурсе интервью коммуникативных ролей «обвинитель – обвиняемый» и может сделать уже неуместным обвинения журналиста относительно терминального узла «инцидент» («Отказ президента приехать 9 Мая в Москву для празднования Дня Победы»).

Увлеченный предчувствием перспективного выхода на тематическое пространство новой фреймовой конфигурации эстонский президент, не

дожидаясь ответного (закрывающего) действия журналиста в виде согласия сменить тематическое пространство терминального узла «инцидент» и перейти к обсуждению другого фрейма («Память о погибших на войне»), попытался добиться большей нивелировки семантического пространства ключевых понятий субслотовых узлов. С этой целью он осуществляет замену, точнее, преднамеренную подмену в виде **семантической диффамации** лексических единиц, указывающих на активированную журналистом валентную связь со слотом «Нацизм» (СС, эсэсовцы, фашисты), на семантически нейтральное словосочетание **«мобилизованные немцами эстонцы»**. Вероятнее всего, именно увлеченность перспективой быстрого выхода из неудобного тематического пространства позволила адресату в ответной реплике высказать журналисту прямой упрёк в сторону российского МИДа в манипулятивной активации исходного гиперфрейма: *«Однако российский МИД использует это для информационных атак на Эстонию, чтобы обвинять ее в якобы восхвалении нацизма»*.

И этот диффамационно-манипулятивный репликовый шаг оказался тактико-стратегическим просчётом (коммуникативной неудачей) президента, так как ответный инициативный репликовый шаг журналиста (8) в виде вопроса – *«А такого не происходит?»* – требует от адресата прямого и конкретного, основанного на фактуальных посылках (сведениях, источниках) опровержения тех утверждений, которые несколькими шагами раньше сделал сам президент, признавая достоверность и фактуальность семантических пространств субслотов (а) «попытки установить памятник были» и (б) «памятник был установлен, но затем демонтирован». Восьмой вопрос журналиста с оттенками побудительно-директивного требования предоставить **фактуальную основу** эстонских претензий к России в части (7а) *«осуществления информационных атак на Эстонию, чтобы обвинять её в якобы восхвалении нацизма»*, приводит президента к осознанию того, что намеченная им валентно-семантическая связь перехода к тематическому пространству нового или другого гиперфрейма «Память о погибших на

войне» не осуществима в данный момент. Ситуация осложнилась тем, что в соответствии с диалогическим принципом интервью «вопрос – ответ» президент Эстонии обязан закрыть инициативный шаг (8) журналиста, чтобы не нанести ущерба своей репутации и не допустить потери лица как государственной персоны. Поэтому, чтобы избежать ситуации вербально-логического «цуг-цванга» и повисшего в воздухе вопроса (т.е. ситуации, в которой поставленный вопрос остаётся без должного ответа), президент позволяет себе в достаточно категоричной форме закрыть данный шаг журналиста (8а) – «*Безусловно, нет*» и резюлютивной формулировкой «*и происходить не может*» предлагает закрыть соответствующий этап диалого-интервью.

Таким образом, *третий этап* взаимодействия участников дискурса-интервью по актуализации тематического пространства терминального узла «инцидент» в гиперфреймовой конфигурации «обвинение» эксплицировал очевидное противостояние фактуальной дискурсии со стороны журналиста versus постправдивой дискурсии представителя эстонской стороны, которое нашло своё отражение в тактико-стратегических действиях указанных сторон. Журналист-обозреватель АиФ на данном этапе взаимодействия акцентировал внимание собеседника на фактуальной стороне прецедентности тематического пространства гиперфрейма: *а)* уточнение прецедентности в виде повтора, *б)* имплицитная актуализация роли государственной политики в области тематического пространства обсуждаемой прецедентности, *в)* фиксация имплицитного участия государства в непотворении пропаганде нацизма и *г)* косвенной констатации нарушения закона со стороны государственных структур, проявивших неактивность в борьбе с проявлением нацизма.

В свою очередь эстонский президент на этом этапе взаимодействия стремился реализовать комплексную стратегию «*дефензивного поведения*», допускающую защиту, переходящую в атаку. Для этой цели он использовал *а)* тактическую блокировку первого фреймового слота, который не может

блокироваться инициатором, чтобы не тормозить свою активацию фреймовых субслотов терминала «инцидент», б) *выход за пределы* фреймового пространства и *актуализацию* другого фрейма через специальные риторические приёмы, техники и эмоционально окрашенную лексику и в) *перехват коммуникативной инициативы* для **обвинения** инициатора в манипуляции, т.е. в использовании журналистом «недостоверного», с точки зрения адресата, наполнения семантическим содержанием тематических пространств ряда слотов и субслотов гиперфреймовой конфигурации, влияющих на её иллокутивно-функциональную направленность. Подобная манипулятивная деятельность в виде «*информационных атак на Эстонию*, имеет своей целью «*обвинять её в якобы восхвалении нацизма*» и оценивается интервьюируемым лицом как надуманная и не имеющая под собой фактуальной основы, ср.: «*якобы восхвалении нацизма*».

Очевидно, что такой демонстративный перехват коммуникативной инициативы эстонским президентом возвращает интервью к своему началу, т.е. к смене атакующих позиций между журналистом и интервьюируемым и к новому обсуждению границ тематического пространства диалога. В возникшей ситуации журналист либо должен признать коммуникативную «неудачу» в своём атакующем поведении, основанном на реальных событиях и фактах, и отдать свои роли коммуникативного лидера-интервьюера и инициатора своему оппоненту, либо он должен жёстко и категорично возразить собеседнику, указывая прямо на несоответствие его утверждений и обвинений реально сложившемуся (фактуальному) положению дел, т.е. уличить своего собеседника в неправде, подтасовке фактов и откровенном обмане. Но такой поворот в политической беседе-интервью в виде жёсткого и категоричного отпора оппоненту грозит вылиться в политический скандал или провокацию, так как журналист, если он только не ставит себе целью (т.е. не выполняет специальный, «срежиссированный» заказ) спровоцировать собеседника, не может и не должен позволить себе выйти из роли интервьюера ввиду различия в реальном (непрямом) статусе с оппонентом,

который, напомним, в момент интервью является первым лицом эстонского государства. В силу этого журналист не только не может жёстко, категорично и ультимативно прерывать своего собеседника (т.е. поставить его на место и заявить, что оппонент, мягко выражаясь, говорит неправду), но и не может, точнее, даже не намерен, обострять ситуацию, ибо в таком случае он выглядел бы проигравшим в вербальной «дуэли».

Тем не менее, не теряя своей коммуникативной позиции ведущего, инициатора и демонстративно проявляя выдержку, добрую волю, настрой и желание сохранить взаимодействие в согласованных на первом этапе параметрах иллокутивного потенциала «обвинение», журналист решается применить в ответной аргументации выверенный риторический приём – задать неожиданный вопрос, возвращающий адресата к основным моментам семантического пространства терминала «инцидент», а именно – к содержанию слотовых и субслотовых тем «Вина государства в поддержке нацизма»:

(9) – «Тогда разрешите вас спросить, господин Президент, как лично вы относитесь к торжественному переносу из Германии в Эстонию останков последнего командира 20-й эстонской дивизии СС штандартенфюрера Альфонса Ребане? Он был перезахоронен с воинскими почестями, а на камне его могилы выбита надпись: «Кавалеру ордена Рыцарский крест с дубовыми листьями». Это была одна из высших наград Третьего рейха».

В этой вопросительной вербальной практике примечательно риторическое оформление вопроса, в котором, с одной стороны, отсутствует оценочный компонент относительно высказанного адресатом содержания, обвиняющего МИД России в организации информационных атак, в которых Эстония «обвиняется в якобы восхвалении нацизма», а с другой стороны, журналист при помощи ключевых слов актуализирует сразу три фреймовых слота. Так, произнесенные журналистом слова «перенос останков из Германии командира дивизии СС» отсылают собеседников к тематическому блоку слота «прецедент», а слова «торжественный перенос», «воинские почести командиру дивизии СС», «участие государства», как структуры,

дающей разрешение на *«торжественное перезахоронение с воинскими почестями»* валентно притягивают тематический блок другого слота *«Вина государства в поддержке нацизма»*. В свою очередь, ключевые слова *«20-я дивизия СС»*, *«третий рейх»*, *«рыцарский крест с дубовыми листьями»* выводят на тематический блок третьего слота – *«вина государства в поддержке нацизма»*, фиксируя тем самым нарушение эстонского руководства закона и международных правовых актов, которые документально подтверждают, что *«СС – преступная организация»*.

Становится понятным, что, вербально активируя тематические блоки соответствующих слотов, журналист разрушает декларируемое президентом Эстонии равенство между солдатами, отдавшими жизнь в борьбе с фашистскими захватчиками, и солдатами-агрессорами, погибшими при оккупации чужой страны. Именно вопросительная реплика журналиста не позволяет президенту Эстонии объединить понятие *«солдата-защитника своей страны»* и понятие *«солдата-агрессора, участвовавшего в боях на стороне гитлеровской Германии»*, и уравнивать их под одним, семантически размытым и нейтральным понятием *«солдат, выполнявший боевой приказ»*.

Очевидно, что А. Рюйтель не был готов к такому вопросу журналиста (9), поэтому он не придал особого значения ключевым словам инициатора-журналиста, активирующим одновременно тематические пространства трех слотов и блокирующим семантическое равенство указанных понятий. Ср.: (9а) – *«Я полагаю, что если говорить лично о Ребане, то он участвовал лишь в боях на фронте и абсолютно не принимал участия в уничтожении мирного населения»*. Парирова атакующий аргумент журналиста, подкрепленный фактуальными сведениями, адресат попытался воспользоваться семантически размытым и нейтральным понятием *«солдат, выполнявший боевой приказ»*: (9а) *«...он участвовал лишь в боях на фронте и абсолютно не принимал участия в уничтожении мирного населения»*. Этот репликовый шаг интервьюируемого показывает, что адресат отдает себе отчет в том, с каким содержанием связана структура третьего слота, актуализированного при

помощи ключевых слов «СС» и «Третий рейх». Адресат хорошо понимает, что именно, тематическое пространство этого слота может вызывать и будет мгновенно порождать эмоционально окрашенные ассоциации – «преступления против человечества», «расстрелы мирных жителей (женщин, стариков и детей)», «массовые убийства» и так далее. Это и объясняет попытку адресата заблокировать тематическое пространство третьего слота, а именно:

а) оспорить фактуальную (документально подтвержденную и доказанную) принадлежность командира 20-й эстонской дивизии СС штандартенфюрера Ребане к нацистским палачам и

б) причислить его к числу участников боёв на фронте, «абсолютно не принимавших участия в уничтожении мирного населения».

Ответ журналиста не заставил себя долго ждать, так как, следуя выбранной тактике «уравнять защитников страны и интервентов-захватчиков как выполнявших в равной мере свой воинский долг солдат», интервьюируемый не мог не зайти в созданную им фактуально-референтную (семантическую) ловушку: (10) – *«Увы, есть свидетельства, что Ребане сжигал деревни в Ленинградской области, когда участвовал в карательных операциях СС против партизан»*. Актуализируя ключевыми словами-сигналами «карательные», «СС», «партизаны», «сжигал деревни» семантические точки тематического пространства слота, журналист методично «прорисовывает» нацистский профиль «солдатской деятельности» штандартенфюрера СС Ребане. А уточнение географической местности – Ленинградской области – дополнительно придает речевому действию аргументативную силу о необходимости помнить и осуждать военные злодеяния немецких фашистов и их добровольных приспешников.

Обращает на себя внимание, как журналист-интервьюер эффективно использует междометие «увы» в своём демонстративно-атакующем риторическом действии, эксплицитно открывая вербальную атаку на непризнание адресатом фактуальной прецедентности слота «Вина государства в поддержке фашизма и нацизма». Использование данного экспрессивного

элемента придает репликовому действию инициатора не только оттенки значения несогласия и протеста с высказанным содержанием речевого действия адресата (9а), но и подчёркивает нюансы сожаления и снисходительности к фактуальной некомпетентности высшего лица государства. Отметим ещё раз, что с точки зрения международных отношений коммуникативно-статусная роль интервьюера-журналиста в жанровой разновидности политического интервью не позволяет (не даёт право) ему высказываться в резком тоне и демонстративно опровергать оппонента с таким высоким международным статусом. Поэтому использование междометия «увы» – это, всего лишь, малая степень оценки сомнения и снисходительности, которую может себе позволить корреспондент, исходя из статусно-ролевых отношений в рамках данного взаимодействия.

(10а) – *«Я не видел таких документов и поэтому не могу обсуждать это с вами так подробно. Как я уже заметил, я не историк и не занимаюсь исследованиями действий СС»* – ответный ход адресата, сигнализирующий о том, что президент вынужден вновь сдавать свои позиции не только в плане государственно-политической статусности его позиции в стране и в мировом сообществе (президент государства не интересуется фактуальной стороной исторических событий, связанных с важными политическими решениями, которые ставят под сомнение результаты Нюрнбергского процесса по оценке деятельности СС в фашистской Германии), но и в плане признания своей некомпетентности относительно деятельности (прямого согласия) государственных структур на разрешение торжественного переноса в Эстонию останков штурмбанфюрера СС и их перезахоронения с воинскими почестями (признание, что не владеет информацией по данному вопросу в полной мере).

Иными словами, президент Эстонии вынужден под давлением реальных и неопровержимых фактов корреспондента признать обоснованность и справедливость заявленных иллокутивных параметров «обвинения», которые были инициированы корреспондентом АиФ в самом начале интервью. Больше того, может показаться, что высказанное журналистом «увы» нашло свой

оценочный отклик в ответной реплике президента, потому что по форме междоментное «*уввы*» постепенно, мягко, но настойчиво переносит акцент с открытого обвинения в сторону упрека и сочувствующего сожаления, переходящего в транспонированный упрек эстонскому президенту, который (упрек) основывается на фактуальной или правдивой реальности: «Согласие государственных структур на разрешение торжественно перенести останки и разрешить перезахоронение с воинскими почестями на территории страны *включает* в себя *а)* сбор информации о персоне, которая удостоивается государственных почестей такого рода, и *б)* проведение исследований, посвященных деятельности данной персоны в годы войны».

Таким образом, *четвертый этап* дискурсивного противостояния «дискурса правды» против «дискурса постправды» отмечен следующей спецификой коммуникативного поведения участников политического дискурса- интервью:

– *журналист* (инициатор, интервьюер, интервьюирующий) сохраняет атакующую позицию по актуализации фактуальной стороны базового терминала гиперфрейма «Обвинение» (отсутствие эксплицитных отрицательных оценок относительно личности и действий своего оппонента при усилении фактуальной базы, доказывающей нарушения эстонским государством международных актов относительно решений Нюрнбергского суда о признании преступной деятельности СС);

– *интервьюируемый* (адресат, оппонент, президент страны) продолжает отставить свою позицию постправды относительно фактуальной стороны базового терминала гиперфрейма «Обвинение», пытаясь *а)* заблокировать атакующую линию инициатора в плане расширения его тематического пространства, *б)* оспаривать конкретные факты, события и имена и *в)* использовать дефензивную (защитно-контратакующую) тактику, принося в жертву такой защите свою статусную позицию главы государства – «не знаю», «не занимаюсь», «не владею информацией», «не вхожу в частности и детали».

Пятый этап противоборства «дискурса правды» против «дискурса постправды» знаменуется продолжением атакующей линии со стороны журналиста – представителя фактуальной (денотативно-референтной) основы семантико-тематического наполнения репликовых действий-сообщений в политическом дискурсе-интервью. На этом этапе журналист продолжает развивать свою линию атаки с использованием конкретных объективных данных, зафиксированных авторитетными международными организациями. Такая тактика в поведении журналиста не является случайным, спонтанным или вынужденным шагом. Напротив, журналист последователен в выбранной им стратегии – подтверждать свои высказывания ссылками на конкретные факты, события, действия. Больше того, уверенность журналиста продолжать атаку при помощи выбранной стратегии окрепла после четвертого этапа дискурсивного противостояния, когда дефензивная (защитно-контратакующая) тактика оппонента не принесла ему успех и он начал сдавать свою статусную позицию главы государства, демонстрируя личную отстраненность от фактуальной стороны обсуждаемых в слотах тем путем ссылок на неосведомленность, отсутствие интереса, конкретных сведений или обыкновенной нехваткой информированности, ср.: (10а) «не знаю», «не видел», «не занимаюсь», «не владею информацией», «не вхожу в частности и детали».

Зафиксировав отстраненность своего адресата от фактуальной основы обсуждаемых тематических пространств в соответствующих слотах, журналист стремится развить собственную инициативу и, используя признание своего визави в личной неосведомленности как слабую сторону его позиции в отстаивании постправды, приводит конкретные факты, обнародованные известным международным источником – Центром Симона Визенталя:

(11) – *«Глава Центра Симона Визенталя по розыску нацистских преступников Эфраим Зурофф в одном из интервью утверждал, что предоставил Эстонии досье на проживающих на ее территории эсэсовцев.*

Ему было отказано в расследовании – мол, люди, указанные в материалах, в уничтожении евреев не участвовали».

Необходимо отметить, что и структурно, и функционально используемый журналистом дискурсивный конструкт (11) практически повторяет свою дискурсивно-диалогическую практику (9). Примечательно также и то, что практики (9 и 11) сходны друг с другом в том, что в них отсутствует вводный оценочный компонент и что по схожей схеме одновременно актуализируются тематические пространства трех фреймовых слотов соответствующими ключевыми словами. В частности, фактуальное утверждение с ключевыми словами «*Центру Симона Визенталя отказали в расследовании*» активирует тематическое пространство терминала «инцидент», а упоминание в этой связи названия государства «*Эстония*» валентно открывает слот «Вина государства в поддержке фашизма и нацизма». И, наконец, ключевые слова «*эсесовцы*», «*Центр Симона Визенталя*» (центр, занимающийся розыском неосужденных нацистских преступников по всему миру) и «*уничтожение евреев*» активируют тематическое пространство третьего слота «Нарушение международных правовых актов, заклеивших Нюрнбергским трибуналом соединения СС как преступные».

Репликовый конструкт журналиста (11) используется им в качестве нового аргумента, чтобы усилить терминальное тематическое пространство «инцидент» вводом *риторической техники «использования авторитета»*, т.е. апеллятивной ссылкой на конкретный источник информации: всемирно известный Центр по розыску неосужденных нацистских преступников. Опираясь на свидетельства уважаемой международной организации, журналист указывает на то, что претензии по тематическому пространству третьего слота к Эстонии имеются не только у России, но и у международного сообщества. Совершенно очевидно, что журналист-инициатор усиливает собственную позицию и делает позицию партнера ещё более уязвимой, понижая её постправдивую резистентность в глазах президента-адресата. В атакующих действиях журналиста отчетливо

просматривается хорошо известная техника агрессивной атаки, в которой риторическая техника «ссылки на авторитет» функционально близка технике агрессивного *моббинга*, применение которой основывается либо на ссылке безымянных и неопределенных «всех», либо же на ссылке, сопровождаемую эмоционально окрашенными оценочными компонентами – «все возмущаются» или «всех возмущает» (о техниках вербально-агрессивного воздействия см. подробнее: Романов, Романова, 2019б).

Нейтрализовать данную технику крайне сложно, тем более, что речь идёт об одной из самых уважаемых и значимых организаций, занимающейся поимкой нацистских преступников по всему миру. Вероятнее всего, по этой причине для блокировки данной техники журналиста президент Эстонии А. Рюйтель применил *метод игнорирования*. В этом плане представляет интерес слоисто-композиционная организация ответного действия со стороны интервьюируемого коммуниканта, включающая в себя следующие структурные стратоблоки:

(11a) – (11a1) *«После восстановления своей независимости Эстония провела серьезные исследования о преступлениях нацистов в годы войны».* –

– (11a2) *«Некоторые судебные процессы не окончены до сих пор, и мы не делаем из этого секрета».*

– (11a3) *«Конечно, не все материалы пока можно публиковать, но мы ничего не скрывали».*

– (11a4) *«Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии».*

Интерпретационный посыл первого стратоблока (11a1) носит откровенно дефензивное утверждение, в котором сообщается, что *эстонское государство волнует обозначенная журналистом моральная проблема и «оно проводит серьезные исследования о преступлениях нацистов».* Второй интерпретационный посыл (11a2) сводится к семантической поддержке первого стратоблока и, утверждая, фиксирует фактуальную сторону действий эстонского государства в указанном направлении: *эстонское государство нашло нацистов, виновных в преступлениях, и даже судит их («идут судебные процессы»).*

В третьем стратоблоке (11a3) интервьюируемый президент своим личным авторитетом фактуализирует (т.е. фактуально подтверждает своим заявлением) наличие в Эстонии судебных процессов – «судебные процессы идут»; «эстонское государство работает в этом направлении» и «ничего не скрывает» от мировой общественности. Тем не менее, опасаясь вопросов о каких-либо конкретных результатах “судебного преследования” нацистов в Эстонии, президент блокирует возможное появление такого рода вопросов своим категоричным утверждением – *«Конечно, не все материалы пока можно публиковать»*. Больше того, своим ответным действием адресат имплицитно, но с категорическим упором на свой государственный статус даёт журналисту понять, что эту тематику не стоит дальше обсуждать, так как *«не все материалы пока можно публиковать»*.

В финальных действиях четвертого стратоблока (11a4) эстонский президент практически в явной форме даёт понять корреспонденту, что тематическое пространство активированных слотов следует закрыть, так как интервьюируемый признал, что *а)* обозначенные проблемы в стране существуют и *б)* «какие-то процессы» в Эстонии идут». Однако, признав под давлением фактов наличие обсуждаемой проблемы в Эстонии, интервьюируемый президент тотчас же дезавуировал содержание ранее высказанных фактов о том, что эстонцы причастны к казням и расстрелам: *«Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии»*. Больше того, завершающая реплика (11a4), которой интервьюируемый категорически опровергает утверждение корреспондента, адресуется, как видим в действительности, не только и не столько интервьюеру-журналисту, а, скорее, она адресована в виде открытого возражения как главе Центра Симона Визенталя, так и всем другим, кто солидарен с главой Центра относительно фактуальных материалов в виде *«досье на проживающих на эстонской территории эсэсовцев»*.

Очевидно, что такое возражение уже не является риторическим приёмом в политическом дискурсе-интервью, а, по сути, оно есть посланный эстонским президентом сигнал-отказ от обсуждения и взаимодействия с кем бы то ни было в формате тематических пространств актуализированных слотов «Вина государства в поддержке фашизма и нацизма», «Фашистские преступления против человечества», «Массовые карательные операции против мирного населения», «Убийства евреев». Больше того, посланный президентом сигнал-отказ (11a4) не только ставит под сомнение фактуальность тематических пространств перечисленных слотов, но этот отказ экспонирует, с его точки зрения, недостоверность терминала «Инцидент» в гиперфреймовой конфигурации «Обвинение». Другими словами, декларируя свой отказ обсуждать тематические пространства упомянутых слотов, эстонский президент А. Рюйтель под предлогом *«отсутствия данных, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии»* имплицитно демонстрирует **постправдивое** отношение не только к гиперфрейму «Обвинение», но и к документально подтвержденным материалам Центра Симона Визенталя, международным Актам Нюрнбергского трибунала и в итоге – к результатам Победы в Великой Отечественной Войне.

Следует признать, что постправдивое отношение президента к обсуждаемой тематике изящно, с риторической точки зрения, скрыто в структурной особенности своего комплексного, стратоблокового ответного действия. В его комплексе из четырех стратоблоков только четвёртый – заключительный – стратоблок (11a4) является для политического противостояния «дискурса правды versus дискурса постправды» **смыслонесущим** и **смыслосодержащим**, т.е. отвечающим по существу на прямой вопрос корреспондента, в то время, как три предыдущих стратоблока представляют из себя дискурсивные практики, наполненные лексическими единицами, полностью соответствующими тематическим пространствам слотов – *«нацизм – это преступление»*, *«нацистов нужно судить»*,

«эстонское государство волнует обозначенная журналистом моральная проблема», «оно проводит серьезные исследования о преступлениях нацистов» и т.д. Риторически спрятанные и непротиворечащие тематическому формату обсуждаемых слотов, эти дискурсивные практики «притупляют внимание» и «усыпляют бдительность» собеседника-журналиста для того, чтобы реализовать конечный замысел интервьюируемого президента – *а)* достаточно удачно заблокировать риторически сильную атакующую журналистскую технику «ссылку на авторитеты» и *б)* поставить под сомнение (дипломатично: «опровергнуть») тематическое пространство гиперфреймовой конфигурации «Обвинение».

Таким образом, *пятый этап актуализации* основного терминала гиперфрейма высветил следующие риторические особенности вербального противостояния «дискурса правды» против «дискурса постправды». Журналист (интервьюирующий, корреспондент, инициатор) не использует оценочных компонентов в «подводке» фактологического материала, позволяющего эксплицитно обвинить государство в нарушении международных актов, осуждающих фашистские злодеяния во время Великой Отечественной Войне. Интервьюируемый (президент, адресат) риторически блокирует тематические слотовые пространства путём указания на их «ошибочность, недостоверность», не признаёт ссылку на авторитетность источника, что позволяет ему на этом этапе, оспаривая, игнорировать ссылку на авторитеты и подвергать сомнению тематическое пространство всего гиперфрейма «Обвинение» путем контрссылки на ошибочный выбор тематического пространства терминала «Инцидент», что имплицитно приводит к выводу: если нет прецедента, то претензии и обвинения беспочвенны.

Шестой этап актуализации гиперфрейма «Обвинение» журналист открывает вводом атакующего дискурсивного аргумента, основанного на документальном массиве фактуальных событий: обсуждать имеет смысл то, что было зафиксировано «на конференции в Ванзее в Германии», а именно (12)

– «(12-1) 20 января 1942 года на конференции в Ванзее в Германии Эстония стала первой страной, официально объявленной «юденфрай» – то есть «свободной от евреев». (12-2) Все еврейское население поголовно было уничтожено, включая детей, и (12-3) Гиммлер отмечал «большие заслуги эстонской полиции» в истреблении «низшей расы».

Нельзя не заметить, что документальная основа фактуальных событий подаётся журналистом без особых эмоций в виде сухой, строгой и последовательной констатации (перечисления) событийного ряда, в которой терминальные слоты актуализируются соответствующими ключевыми словами. Так, фактуальное напоминание, что «Эстония – первая страна, ставшая полностью свободной от евреев» (дискурсивная практика 12-1) валентно выводит на активацию слота «Преступления нацизма и фашизма против человечества» и возвращает интервью к фактуальной обоснованности гиперфреймовой конфигурации «Обвинение». Точная дата конференции в Ванзее («20 января 1942 года») является для журналиста неоспоримым аргументом фактуальности обозначенного слотового содержания «Преступления нацизма и фашизма против человечества», что подтверждает справедливую обоснованность обвинения соседнего с Россией государства в реализации информационных программ, направленных на постдискурсивную переоценку итогов Великой Отечественной и Второй мировой войн.

Следующая дискурсивная практика (12-2) открывает семантически обусловленную валентную связь с такими слотами, как «Война, страдания, невинные жертвы»; «Расстрелы мирных жителей»; «Массовые убийства евреев в Эстонии» (ср.: «Все еврейское население поголовно было уничтожено, включая детей»); «Преступления фашистов против человечества». Семантико-тематический охват указанных слотовых пространств фактически полностью дезавуирует утверждение (11a4) интервьюируемого президента об отсутствии данных о том, «что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии». Больше того, дискурсивная практика журналиста (12-2),

реализуемая в виде риторической техники «апелляции к чувствам» (ср.: «*Все еврейское население поголовно было уничтожено, включая детей...*»), направлена на развитие эмоциональной атмосферы сочувствия, подтверждающей обоснованность и справедливость выдвинутых им ранее обвинений с целью закрепить в качестве основного аргумента реальность и событийность факта: на конференции в Ванзее были приняты решения, положившие начало геноциду еврейского населения (Холокост) и Эстония того времени, благодаря действиям своей полиции, имела «большие заслуги в истреблении низшей расы».

Заключительная практика журналиста (12-3) «*Гиммлер отмечал «большие заслуги эстонской полиции» в истреблении «низшей расы»*» повторяет с риторической точки зрения технику «*ссылки на авторитет*». Правда, в качестве авторитета корреспондент выбрал одиозную личность – рейхсфюрера фашистской Германии, главаря СС – Гиммлера, который «*отмечал «большие заслуги эстонской полиции» в истреблении «низшей расы»*». Ключевые слова журналиста «*страна Эстония*», «*эстонская полиция*», «*большие заслуги*», «*истребление “низшей расы”*» фактуально объединили семантические и тематические пространства всех слотов фреймового терминала «*Инцидент*» в гиперконфигурации «*Обвинение*» и усилили эмоциональный фон данного этапа политического интервью.

Но, отдавая себе отчет в том, что ни риторическая техника «использования авторитета / ссылка на авторитет», ни риторическая техника «апелляции к чувствам» не имеют большой доказательной силы, а служат, скорее, риторическим средством для логического перехода к развертыванию эмоционально-экспрессивной модели диалогической интеракции, журналист задействует для фактуальной убедительности в своей дискурсивной практике (12-1) точные цифровые данные, называя конкретное место и дату реального события – «*конференции в Ванзее*». Детальная скрупулёзность и конкретика документального цитирования позволяет корреспонденту трансформировать

основанный на эмоции психологический аргумент в аргумент точной и неоспоримой фактуальности.

Однако фактуальная основа приводимого аргумента не смутила интервьюируемого президента, который в дискурсивном противостоянии отклоняет и технику «использования авторитета», и саму, предложенную в качестве базовой, экспрессивно-эмоциональную модель общения, ср.:

(12a) – *«Я считаю, что не стоит опираться на слова Гимmlера как единственно правдивого источника. Все очень тщательные исследования, что проводились до сих пор, не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев. Несомненно, какое-то количество эстонцев служило в этой созданной немцами полиции, но могу сказать с полной уверенностью – участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается. Следует опираться не на эмоции, а на факты».*

Очевидно, что интервьюируемый оппонент оставляет без внимания содержание обвинительных реплик корреспондента (12), отклоняет риторическую технику «ссылка на авторитет» и не реагирует на экспрессивно-эмоциональную модель обмена мнениями. Применяя «боевые» риторические техники эксплицитного «вытеснения» и «игнорирования» в качестве ответных мер дискурсивного противостояния и противодействия, близкие к эристическим техникам «победы в споре» неприглядными и порицаемыми средствами (см.: Романов, 1988: 110-114; Романов и др., 2014), интервьюируемый пытается отстаивать свою постправдивую позицию, но неожиданно проговаривается и неосознанно совершает своего рода «иллокутивное самоубийство», в терминологии З. Вендлера. Сравните:

(12a) – *«Я считаю, что не стоит опираться на слова Гимmlера как единственно правдивого источника. Все очень тщательные исследования, что проводились до сих пор, не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев...».*

Примечательно, что для нейтрализации применённой корреспондентом техники «ссылка на авторитет» президент Эстонии выбирает стратегию игнорирования как самый удачный – и, пожалуй, единственно приемлемый в открытом противостоянии противоположных мнений – выход из создавшейся ситуации для отвечающего собеседника. Вместо ожидаемого

реагирования на ввод нового фактуального аргумента интервьюируемый президент говорит (12а) общие слова о *«тщательных исследованиях»*, которые *«проводились до сих пор»* и которые *«не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев»*, которые не дают ответа на поставленный вопрос. Больше того, забыв о своём признании, совершенным буквально несколько минут тому назад (ср. 11а: *«Я не располагаю данными, что эстонцы участвовали в расстрелах евреев и что они вообще совершали такие дела в Эстонии»*), интервьюируемый президент, опираясь на свой статус главы государства, вдруг начинает вести себя нелогично, опровергая себя категоричным заявлением: *«могу сказать с полной уверенностью»*, что *«участие эстонцев в расстрелах еврейского населения исключается»*.

Здесь важно отметить, что президент Эстонии вновь возвращается к ранее использованной им практике семантической диффамации, заменив выражение *«участие эстонцев в расстрелах евреев»* на высказывание *«они вообще совершали такие дела в Эстонии»*. Такая оговорка-уточнение не кажется случайной. Подчеркивая неучастие эстонской полиции в расстрелах евреев, А. Рюйтель не признаёт тем самым ответственность за *«такие действия»* эстонских полицейских в других местах, например, в Ленинградской области [ср.: (10) – *Увы, есть свидетельства, что Ребане сжигал деревни в Ленинградской области, когда участвовал в карательных операциях СС против партизан»*] и не несет моральной ответственности за злодеяния эстонских полицейских на других территориях.

Иначе говоря, все приводимые корреспондентом факты и документальные свидетельства интервьюируемый не рассматривает как заслуживающие внимания и не учитывает их, так как *«Все очень тщательные исследования, что проводились до сих пор, не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев»*. Этот довод президента практически подтверждает фразу из эпиграфа к настоящей статье, которую произносил персонаж романа У. Коллинза о фактах. Действительно,

с точки зрения интервьюируемого, какие ещё факты нужны корреспонденту, если уже *«проводились очень тщательные исследования»* и они *«все до сих пор не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев»*? И в этом случае для президента неважно, что его утверждение оказывается нереферентным и нефактуальным, так как совершенно неясно, *кто* проводил такие исследования, а также *где* и *когда* такие исследования проводились и *каковы* конкретные (точные) результаты таких исследований. А для него важно то, *что* утверждает сам интервьюируемый и то, *что* он *«авторитетно»* гарантирует: в пылу категоричного утверждения интервьюируемый упускает из виду, казалось бы, незначительную деталь – отсутствие фактуальных данных о *«тщательно проведенных исследованиях»*, не приводя никаких конкретных результатов исследований, подрывает его *«авторитетную гарантию»* и поэтому его утверждение становится голословным и бездоказательным, так как оно не может убедительно доказать своё *«авторитетно высказанное заверение»*: *«полицейские Эстонии сознательно»* не *«уничтожали евреев»*.

Такое заверение президента делает двусмысленной его фразу: *«Все очень тщательные исследования, что проводились до сих пор, не подтвердили, что полицейские Эстонии сознательно уничтожали евреев»*. Двусмысленность заключается в том, что *«все очень тщательные исследования»* подтверждают лишь тот факт, что такие *«исследования»* не нашли те случаи, когда эстонские полицейские уничтожали евреев *сознательно*. Отмеченная двусмысленность порождает возможный вывод о том, что не исключены (т.е. могли иметь место) те случаи, когда эстонские каратели-полицейские уничтожали евреев неосознанно, находились, например, в изменённом состоянии сознания под влиянием алкоголя, медицинских препаратов или под интенсивным воздействием нацистской пропаганды о необходимости сохранять *«чистоту расы»* и вести беспощадную борьбу на *«истребление “низшей расы”»*, т.е. евреев.

В любом случае получается, что в семантико-тематическом пространстве терминальных слотов фактуальными и неоспоримыми являются документальные сведения, подтверждающие официальные «заслуги» Эстонии в 1942 году как «первой страны, объявленной «юденфрай» – то есть «свободной от евреев», и сам «Гиммлер отмечал «большие заслуги эстонской полиции» в истреблении «низшей расы». Очевидно, использованные А. Рюйтелем «боевые» риторические техники эксплицитного «вытеснения» и «игнорирования» в качестве ответных мер дискурсивного противостояния и противодействия, оказались не вполне эффективными и не смогли оказать ни существенного противодействия, ни должной нейтрализации (нивелирования) фактуального содержания дискурсивной практики (12) интервьюера.

Таким образом, *шестой этап противостояния* дискурса правды и фактуальности против дискурса искажения фактуальности и создания постправдивого (придуманного, сконструированного и срежиссированного) мифо- и миротворчества характеризуется тем, что вербальное поведение журналиста-интервьюера сводится к использованию неоспоримых фактов, деталей и подробностей, зафиксированных в официальных документах. Контрправдивое дискурсивное поведение интервьюируемого президента сводится к игнорированию фактуальной стороны имевших место событий в прошлом и блокировке всего семантико-тематического пространства терминала «Инцидент» как недостоверного, ошибочного, нефактуального и, следовательно, не заслуживающего внимания для обсуждения.

Обмен практиками (12-12а) между интерактантами в противостоянии политической дискурсии правды и постправды показывает, что под коммуникативным прессингом массива фактуальных данных журналиста-интервьюера контрдискурсия интервьюируемого президента Эстонии начинает окончательно сдавать свои позиции. Однако журналист полон желания развить своё коммуникативное давление и окончательно зафиксировать признание своего собеседника в превосходство фактуальной

дискурсии над постправдивой дискурсией. В этом направлении журналистом предпринята попытка *седьмого этапа актуализации* основного терминала гиперфреймовой конфигурации «Обвинение», в котором повторяется уже апробированный журналистом на начальных этапах интервью риторический ход с целью закрепить слотовое содержание «Вина государства в поддержке фашизма и нацизма» путём активации семантико-тематического пространства субслотов «Нарушение государством закона» и «Памятник легионерам СС в Эстонии». Однако попытка журналиста вернуться к обсуждению «болевых» для интервьюируемого точек субслотовых пространств встретила резкое противодействие со стороны президента жёсткой блокировкой в виде открытой демонстрации своего государственно-политического статуса. Сравните:

(13) – *«Мне хотелось бы вернуться к вопросу о памятнике легионерам СС...»*

(13а) – *«Ну а мне бы, если честно, не хотелось».*

Интерактивный ход (шаги собеседников 13-13а) является переломным моментом с точки зрения борьбы за лидерство в данном диалогическом взаимодействии. До этого момента безусловным лидером вопреки статусно-ролевым отношениям являлся корреспондент газеты. Ему принадлежала стратегическая инициатива и выбор тактических приемов её реализации. Президент же, напротив, выступал в роли ведомого и в результате не всегда удачных речевых действий-практик был вынужден вести беседу в предложенном тематическом русле. Однако, закрывая репликовый шаг «(13а) – *Ну а мне бы, если честно, не хотелось»*, интервьюируемый президент вдруг неожиданно нарушает правило вежливости и правила обмена репликовыми действиями в диалогическом общении (Романов, 1988: 73-77) и заявляет об отказе продолжать беседу на оговоренную собеседниками тему. Такой вербальный шаг не может не расцениваться корреспондентом как факт признания собеседником неэффективного использования своей постправдивой аргументации, что, с позиций риторической эристики,

равнозначно признанию собственного проигрыша в конкретном противостоянии фактуального дискурса правды дискурсу постправды. Очевидно, что такое признание интервьюируемого стало неожиданностью для корреспондента. Вероятнее всего, отказ президента от дальнейшего обсуждения данного вопроса свидетельствует о том, что у интервьюируемого не осталось существенных контраргументов относительно журналистской фактуальности. Однако, надо признать, что для выхода из обсуждаемого тематического пространства слотов и подслотов терминала «Инцидент» эстонский президент выбрал наиболее удачный момент в беседе-интервью: он воспользовался тем, что его партнер-собеседник обозначил своим повтором возвращение к уже упомянутому аргументу о памятнике легионерам СС, которое, безусловно, снизило информативную ценность и значимость выдвинутого аргумента и дало удобный повод президенту выйти из данного тематического пространства без особого ущерба для своей репутации. Оказалось также, что предпринятый журналистом повтор аргумента послужил для интервьюируемого обоснованным (без «потери лица» и ущерба своему статусу) мотивом для выхода из ситуации, грозящей полным фиаско интервьюируемого.

Оценивая ситуацию как выигрышную в противостоянии с постправдивой дискурсией, журналист в скромной и уважительной манере закрепляет результат вербального противоборства в пользу фактуально-правдивой дискурсии в виде соучастной констатации победителя: (14) – «*Понимаю вас*». Выражение соучастия придало беседе-интервью новый импульс. В частности, интервьюируемый президент воспринял сочувствие корреспондента как акт примирения противостоящих позиций и, пользуясь моментом «боевого затишья», попытался перехватить стратегическую инициативу, чтобы предложить другую тему разговора, сравните:

(14а) – *«Нет, дело не в этом. Мне кажется, что наша беседа принимает несколько странный оборот. Но еще раз хочу подтвердить, что отдаю должное жертвам советского народа во Второй мировой войне. Я хотел бы, чтобы и вы, и другие россияне поняли: эстонцы не сражались*

принципиально за режим фашистов, они надеялись восстановить независимость Эстонии. Наша маленькая страна потеряла 200 000 человек, и половина из них погибла в нацистских и советских концлагерях. Когда в России нас поймут, сразу откроется дорога для развития добрососедских отношений».

Как известно, захват стратегической инициативы в диалоге позволяет стать на определенный момент дискурсивного взаимодействия коммуникативным лидером, который может по своему усмотрению менять тематическое пространство диалога-беседы и выбирать коммуникативный арсенал риторических приёмов и тактик, приемлемых для достижения своих целей (подробнее см.: Романов, 1991; 1992; 1995). Поэтому поворот в смене тематики разговора не удивил журналиста-интервьюера, потому что собеседник-президент сам активировал вновь семантико-тематические пространства слотов «Война, страдания, жертвы», «Советский режим и страдания эстонского народа» и субслота «Память погибших на войне». Примечательно также, что президент попытался использовать эмоционально-экспрессивную модель общения, которую ранее предлагал журналист-интервьюер, ср.: (15а) – «... *Наша маленькая страна потеряла 200 000 человек, и половина из них погибла в нацистских и советских концлагерях. Когда в России нас поймут, сразу откроется дорога для развития добрососедских отношений*». Последняя фраза крайне важна для эстонского президента, ибо в ней он пытается активировать слот «Победа и жертвы» для того, чтобы уравнивать позиции павших солдат России и павших эстонцев, которые «не сражались принципиально за режим фашистов», а только «надеялись восстановить независимость Эстонии» самостоятельно. Уравнивая позиции павших солдат России и (в пропорциональном отношении 200 тысяч) погибших «маленькой» Эстонии», президент косвенно отсылает журналиста и всех читателей АиФ к основному пункту тематического противостояния постправдивого (фейкового) «мифо- и миротворчества» фактуальному (правдивому) положению (состоянию) дел, в котором

находится основное содержание фреймовой конфигурации «Обвинение»: «Вина современного государства (Эстонии) в поддержке фашизма и нацизма».

Безусловно, осуществленный тематический поворот не устраивает журналиста: если журналист-интервьюер оставляет этот тематический поворот без должного внимания и оценки, значит, логически, он признаёт указанное равенство жертв в борьбе против фашистских захватчиков и тем самым оправдывает современную Эстонию и снимает вину с неё за основное содержание гиперфреймовой конфигурации «Обвинение». С таким развитием интервью журналист АиФ согласиться не может и наносит ответный атакующий выпад:

(15) – *«Разрешите последний вопрос, господин Президент. Можно ли оправдать абсолютно любые действия тем, что они совершены во имя восстановления независимости страны, в том числе и участие в войне на стороне людоедского режима Адольфа Гитлера?»*

Атакующий жёсткий выпад инициатора-журналиста представляет собой резкий протест против предложения эстонского президента уравнивать позиции между Россией и Эстонией в борьбе против фашизма и нацизма, а также против попытки снять с современного эстонского государства ответственность за потакание проявлениям фашизма и героизации нацизма. Получается так, что ответный выпад журналиста возвращает разговор в прежнее тематическое пространство – отношение к «людоедскому» режиму Адольфа Гитлера и позиция современной Эстонии (или ее первых лиц) по данному вопросу.

Постепенно проиграв на первых шести этапах открытое противостояние «*правда (фактуальность) versus постправда (фейковое мифо- и миротворчество)*» в пользу первого конституента – правды, президент уже не рискует опровергать фактуальность неопровержимого – *«участие в войне на стороне людоедского режима Адольфа Гитлера ... во имя восстановления независимости страны»*. Президент заметно отступает, используя при этом проверенные и использованные ранее риторические техники **«изменения направления»** и **«вытеснения»**, сводя тематику дискурса-интервью к более

широким, абстрактным и размытым темам: «то, что нас объединяет», «уменьшение непонимания друг друга», «общие интересы», ср.:

(15a) – *«Разумеется, нет. Поэтому и я, и все эстонцы никогда не были и не будем на стороне фашизма. Мы всегда прекрасно понимали, что гитлеровская Германия ни за что не восстановила бы независимость Эстонии, поэтому эстонцы и не поддерживали нацистов в их амбициях и стремлениях. Хочу сказать вам – нам следует искать не те вещи, которые нас разделяют, а те, которые нас объединяют. И, выражая почтение жертвам войны, нельзя забывать, что у нас забрали возможность восстановить свое государство. Позиции России и Эстонии должны сближаться, чтобы мы уменьшили непонимание друг друга».*

Предложенный в практике (15a) президентом Эстонии курс на «сближение позиций между Россией и Эстонией» и на «уменьшение непонимания друг друга» есть результат эффективного использования журналистом инструментальной стратегии “мягкой силы” вербального принуждения к правде, основанной на риторическом воздействии денотативно-референтной фактуальности, о чем и заключает интервьюер:

(16) – *«Это замечательные слова. Но, после того как вы отказались приехать на столь знаменательную для России дату, сблизиться будет довольно сложно».*

Отмечая значимую роль фактуальности в «вербальном “механизме” по принуждению к правде» (ср.: «Это замечательные слова»), журналист эксплицитно констатирует инцидентную причину «вы отказались приехать на столь знаменательную для России дату», которая с самого начала интервью была положена в основание политического дискурса «Обвинение». Больше того, журналист предупреждает, что если эстонская сторона в своих оценках прошлого не будет ориентироваться на историческую фактуальность, то сложностей в отношениях между двумя странами не избежать, ср.: «сблизиться будет довольно сложно».

Трудно не согласиться с ощущением того, что давление фактора фактуальности как вербального механизма принуждения к правде привело к существенному изменению позиции интервьюируемого эстонского президента: он, наконец-то, прислушался к фактуальным аргументам в посланиях корреспондента, услышал их, осознав слабость своих

постправдивых доводов, направленных на нивелирование правдивых фактов интервьюера, и даже принял их как достаточно информативные, чтобы, не теряя статусного положения и достоинства, обоснованно согласиться с высказанной обвинительной оценкой по их поводу. Сравните: *«Я смотрю на это более оптимистично – у России и Эстонии масса общих интересов во многих сферах»*. И, кстати сказать, фактуальная опора риторической техники **«ссылка на авторитет»** президента России В. Путина может дополнительно служить обоснованным подтверждением высказанного нами предположения, ср., например:

(16a) – *«Я смотрю на это более оптимистично – у России и Эстонии масса общих интересов во многих сферах, и я получил этому подтверждение на недавней встрече с Владимиром Путиным. (16a1) Для России крайне выгодно сотрудничать с Эстонией, потому что теперь можно активно использовать возможности членства нашей страны в ЕС...»*.

Имеет смысл обратить внимание на финальную дискурсивную практику (16a1) эстонского президента А. Рюйтеля *«Для России крайне выгодно сотрудничать с Эстонией, потому что теперь можно активно использовать возможности членства нашей страны в ЕС...»*, которая приоткрывает завесу на одну из причин столь долгого и упорного противостояния интервьюируемого фактуальным аргументам интервьюирующего. Действительно, на протяжении всего дискурсивного общения (1-16a) нельзя было не заметить особенности вербального поведения интервьюируемого президента, проявляющего поразительное сходство и близость своих постправдивых взглядов на фактуальность реальных исторических событий с взглядами многих *«членов в ЕС»*, обладающих *вместе с Эстонией возможностями* в различных сферах деятельности. Поэтому вполне возможно предположить, что упорство и противостояние интервьюируемого президента фактуальной исторической дискурсии было основано на агрессивно-вербальной технике возможностей **моббинговой поддержки** *«членства нашей страны <Эстонии > в ЕС»*. И своим заключительным дискурсивным шагом корреспондент показал, что он

понимает всю глубину и сложность настоящего и будущего противостояния «дискурса правды versus дискурса постправды», когда на стороне последнего выступает не просто личная позиция одного – пусть и облеченного государственной властью – лица, а сплочённое посредством *агрессивно-вербальной моббинговой технологии* (подробнее см.: Романов, Романова, Морозова, 2018a) целое в виде континентального сообщества ЕС: (17) – «*Мы пытаемся. Но это трудно*».

Находящийся под результирующим воздействием вербального механизма принуждения к правде эстонский президент отвечает корреспонденту АиФ констатацией взаимного понимания отмеченных им перспектив противостояния и борьбы с возможностями *моббинговой поддержки* целого континентального сообщества и, невзирая на подчеркнутую им моббинговую технологию, выражает надежду на совместное преодоление трудностей, ср.: (17a) – «*И нам трудно. Однако давайте все-таки попытаемся*». Тем не менее, в подчеркнутом «*все-таки*» интервьюируемый президент отразил не только преимущество фактуальной базы «дискурса правды» в информационном противоборстве, но и косвенным образом предупредил о масштабной интенсивности предстоящих выпадов сторонников эристической моббинговой технологии в фейковом информационном пространстве.

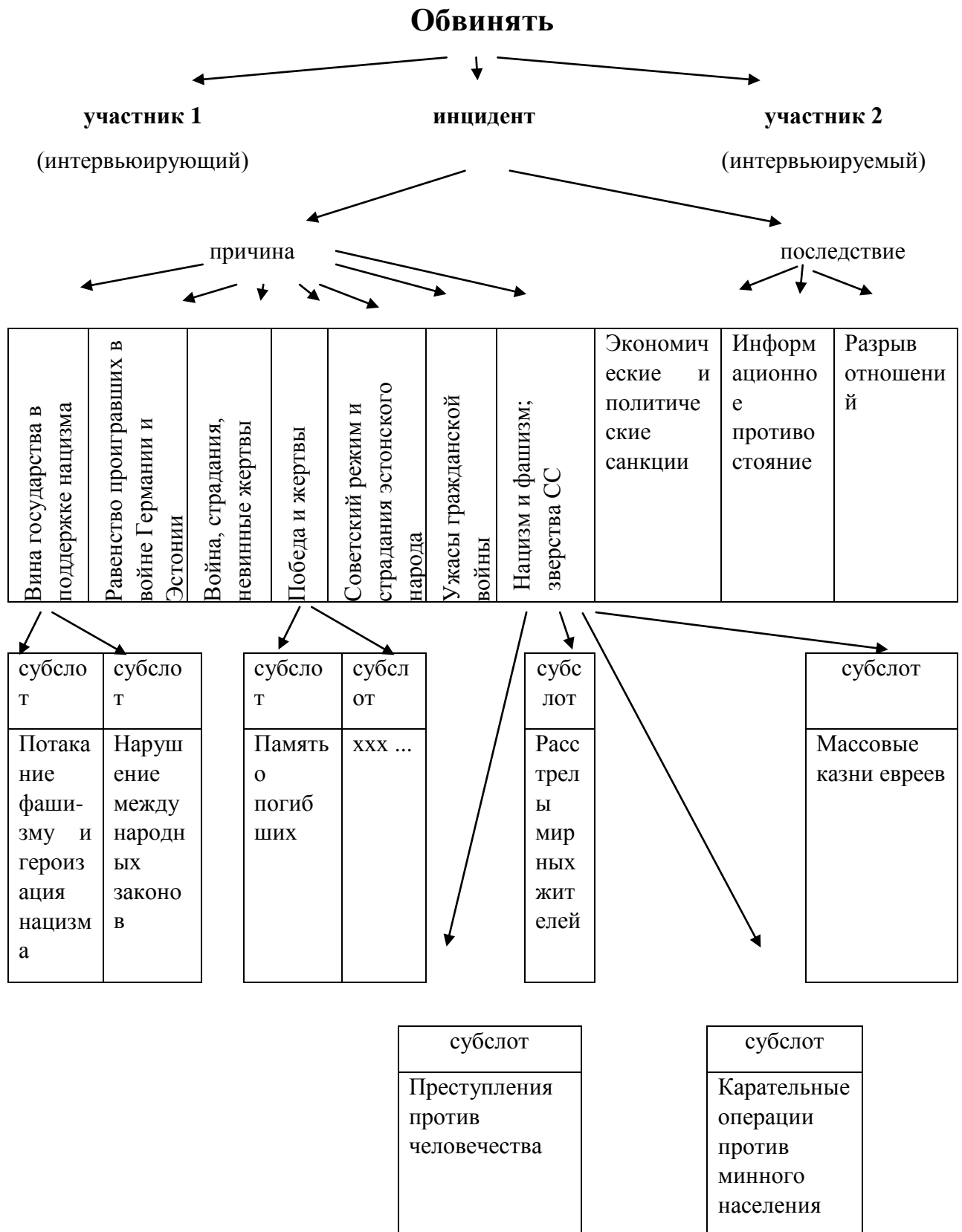
Итак, обозначенное в дискурсе-интервью информационное доминирование «дискурса правды» корреспондента АиФ над «дискурсом постправды» представителя высшего эшелона власти в Эстонии можно охарактеризовать как конфронтативное политическое противоборство двух контрарных подходов к оценке фактуальных событий, именуемых «дискурсом правды» и «дискурсом постправды». Активировав в самом начале интервью с президентом Эстонии вершину гиперфреймовой конфигурации с иллокутивной направленностью «Обвинение», журналист-инициатор использует ряд риторических аргументов, каждый из которых является доказательством фактуальности его утверждений не по форме, а по

существо, то есть содержит факты, которым нет документальной альтернативы в виде других контрарных фактов. Выстроенный корреспондентом аргументативный ряд опирается на дополнительные риторические техники (подтверждающие, укрепляющие, вызывающие сочувствие, жалость и иные эмоциональные состояния), которые формируют эмоциональный фон взаимодействия и придают силу убеждающей фактуальности дискурсивным практикам корреспондента.

Роль эмоционального фона, «фона правды», поддерживает убежденность говорящего в том, что он всегда имеет дело с фактологической реальностью, для взаимодействия в которой им актуализируются основанные на проверенных фактах и логических скрепах валентно связанные терминалы, слоты, подслоты и субслоты всей фреймовой гиперконфигурации «Обвинение».

Фактологичность терминалов, слотов, подслотов и субслотов всей фреймовой гиперконфигурации «Обвинение» ставит участвующих во взаимодействии собеседников в реальную ситуацию конкретного выбора *«знаю – не знаю»*, что, безусловно, сказывается на манере их вербального поведения в плане учёта фактуальности («было» – «не было») и, естественно, накладывает определенные требования к личностным характеристикам интервьюирующего и интервьюируемого. И, в первую очередь, оказываются значимыми требования в плане их образовательного, интеллектуального и морально - нравственного уровней.

Структура валентных связей между терминалами, слотами и соответствующими подслотами фреймовой гиперконфигурации «Обвинение» может быть представлена в виде некоторого дерева, отражающего иллокутивную детерминированность и близость семантико-тематических отношений между конститuentами выделенной гиперконфигурации:

О том, как и на каких принципах выстраивается политический дискурс-интервью журналиста, являющегося представителем «дискурса постправды», можно проследить в следующей статье журнала.

Ссылки – References in Russian

Бауман, 2008 – *Бауман З.* Текучая современность. – СПб.: Питер, 2008. – 240 с.

Бодрийар, 2007 – *Бодрийар Ж.* Фантом современности. Тени молчаливого большинства, или конец социального // Ясперс К., Бодрийар Ж. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2007. – С. 180–280.

Бурдые, 2001 – *Бурдые П.* Практический смысл. – СПб.: Алетея, 2001. – 562 с.

Гидденс, 1999 – *Гидденс Э.* Социология. – М.: Едиториал УРСС, 1999. – 704 с.

Зотов, 2005 – *Зотов Г.* «Президент Эстонии Арнольд Рюйтель: Разве мы восхваляем нацизм?» // *АиФ.* – 2005, № 12. – С. 12. // <http://www.aif.ru/archive/1640045>

Кастельс, 2000 – *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. Пер. с англ. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 680 с.

Кастельс, 2016 – *Кастельс М.* Власть коммуникации. Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 564 с.

Люттвак, 2012 – *Люттвак Э.Н.* Стратегия: Логика войны и мира. Пер. с англ. – М.: Ун-т Д. Пожарского, 2012. – 392 с.

Маклюэн, 2003 – *Маклюэн Г.М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека. Пер. с англ. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.

Менегетти, 2002 – *Менегетти А.* Онтология и меметика. Пер. с итал. – М.: Психологическое издательство, 2002. – 149 с.

Мисонжников, 2005 – *Мисонжников Б.Я.* Массмедиа как субъект формирования глобального катастрофического сознания // Глобализм в системе категорий современной культурологической мысли. – СПб.: Янус, 2005. – С. 240–254.

Морозова, 2005 – *Морозова О.Н.* Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 220 с.

Нюрнбергский процесс, 1999 – *Нюрнбергский процесс*. Сборник документов в 8 томах. Т. 8. – М.: Юридическая литература, 1999. – 792 с.

Ожегов, 1990 – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. 23-е изд., испр. – М.: Русский язык, 1990. – 917 с.

Рашкофф, 2003 – *Рашкофф Д.* Медиавирус. Как поп-культура тайно воздействует на ваше сознание. – М.: Издательство: Ультра. Культура, 2003. – 368 с.

Рейнгольд, 2006 – *Рейнгольд Г.* Умная толпа. Пер. с англ. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 416 с.

Романов, 1988 – *Романов А.А.* Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. – М.: Ин-т языкознания АН СССР; Калининский СХИ, 1988. – 183 с.

Романов, 1991 – *Романов А.А.* Иллокутивные знания, иллокутивные действия и иллокутивная структура диалогического текста // Текст в коммуникации. Сб. научн. трудов. Отв. ред. А.А. Романов и А.М. Шахнарович. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1991. – С. 83–100.

Романов, 1992 – *Романов А.А.* Коммуникативная инициатива говорящего в диалоге // Текст как структура. Сб. научн. трудов. Отв. ред. А.А. Романов и А.М. Шахнарович. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1992. – С. 55–76.

Романов, 1995 – *Романов А.А.* Говорящий лидер в деловом общении // Человек говорящий – Homo loquens: Язык. Познание. Культура. Сб. научн. статей. Под ред. А.А. Романова и А.М. Шахнаровича. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 1995. – С. 56–70.

Романов А.А., 2000 – *Романов А.А.* Оценка как способ фиксации конфликтности речевого поведения политика // Политический дискурс в России – 4. Материалы рабочего совещания. – М.: МГУ-Диалог, 2000. – С. 83–89.

Романов, 2002 – *Романов А.А.* Политическая лингвистика: Функциональный подход. – Москва-Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2002. – 191 с.

Романов, 2005 – *Романов А.А.* Семантика и прагматика немецких перформативных высказываний-просьб. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2005. – 153 с.

Романов, 2006 – *Романов А.А.* Лингвистическая мозаика. Избранное. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2006. – 436 с.

Романов, 2014 – *Романов А.А.* Спин-докторинговая реализация ментальных репрезентаций в Интернет-коммуникации // Язык, коммуникация и социальная среда. Ежегодное международное издание. Вып. 13. – Воронеж: Наука – Юнипресс; Воронежский гос. университет, 2014. – С. 88–118.

Романов и др., 2014 – *Романов А.А., Морозова О.Н., Романова Л.А., Новоселова О.Н., Мальшева Е.В.* Терминологический глоссарий по практической риторике и искусству ведения дебатов. Под ред. А.А. Романова. – Тверь: Тверская ГСХА, 2014. – 181 с.

Романов, 2016 – *Романов А.А.* «Окно дискурса» как регулятивный механизм распространения и внедрения «вирусной» информации: два подхода к проблеме [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 4. – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2009 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Притяжение перформатива. Очерки по теории перформативности от Дж.Л. Остина до наших дней. – Москва-Тверь: ИЯ РАН; «АгросферА» Тверской ГСХА, 2009. – 156 с.

Романов, Романова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фреймовая матрица спин-докторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015. № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2016 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Меметико-регулятивная реальность как психолингвистический феномен [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2016, № 1. – С. 1–14. Режим доступа: <http://tverlingua.ru>

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Консциентальная дискурсия и контрдискурсия в информационном противостоянии // Дискурсология и медиакритика средств массовой информации: сб. науч. работ (по материалам международной научно-практической конференции, НИУ «БелГУ», 4-7 октября 2017 г.) / под ред. А.В. Полонского и др. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 134–144.

Романов, Романова, 2017а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Векторная направленность переформатирующего погружения в дискурсивное пространство информационных атак [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017а, № 2. – С. 1–32. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Функциональная специфика «веерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. *Статья первая*: «Окно» дискурса как комплексная технология информационного спин-докторингового воздействия [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 3 (49). – С. 1–39. Режим доступа: [http:// www. tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Вербальная агрессия в профессиональной коммуникации. – Тверь: Тверск. государственный ун-т, 2018. – 292 с.

Романов, Романова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Selfie как перформативный акт информационного круговорота в сетевой коммуникации // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования: Мат. Международной научно-практической конференции (спецвыпуск журнала). – Белгород: Политерра. – 2018а, Т.1, № 2 (20). – С. 132–144.

Романов, Романова Романов, 2018б – *Романов А.А., Романова Л.А.* Фейковая дискурсия и контрдискурсия в консциентальном противостоянии // Русский язык и литература в профессиональной коммуникации и

мультикультурном пространстве: мат. Международной научно-практической конф. – Москва: Изд-во «Перо»; Саратов: Амирант, 2018б. – С. 284–289.

Романов, Романова, 2018в – *Романов А.А., Романова Л.А.* Селфи как перформативный дискурс самопрезентации личности в сетевой коммуникации // *Язык, коммуникация и социальная среда – Language, Communication and Social Environment: Ежегодное научное издание / Published annually; под ред. К.М. Шилихиной. – Вып. 16 / Issue No. 16. – Воронеж: Воронежский гос. университет; Наука – Юнипресс, 2018в. – С. 39–64.*

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* Селфи как эмотивная перформативная практика в сетевых коммуникациях // *Вестник Волгоградского социально - педагогического ун-та. Сер.: Языкознание. – 2019, № 1. – С.171–178.*

Романов, Романова, 2019а – *Романов А.А., Романова Л.А.* Человек медийный как сетевой центр информационного круговорота от Я-медиа к Мы-медиа // *Языковой дискурс в социальной практике: материалы Междунар. научно-практ. конф. – Тверь: Тверск. гос. ун-т, 2019а. – С. 24–36.*

Романов, Романова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А.* О границах возможного и допустимого в агрессивном вербальном поведении модератора конфронтативного политического интервью // *Лингвистическая лимология [Электронный ресурс]. Сб. статей по материалам Международной научной конференции (г. Москва, 27 октября 2018 г.) / ред. колл.: А.А. Боронин и др. – Электронные текстовые данные (4,45 Мб). – М.: ИИУ МГОУ, 2019б. – С. 132–141.*

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Конструирование медийных смыслов информационного противостояния // *Функциональная лингвистика: VII Международный Крымский лингвистический конгресс «Язык и мир». Ялта, 5-8 октября, 2015. Сб. научных докл. / Отв. ред. А.Н. Рудяков, Ю.В. Дорофеев; Крымский республиканский ин-т постдипломного педагогического образования. – Симферополь: ООО «Форма», 2015. – С. 284–287.*

Романов, Романова, Морозова, 2015 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Фреймовая матрица спиндокторингового конструирования смыслов в системе публичных коммуникаций [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2015, № 2. – С. 1–31. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2015а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Нарративный метод спиндокторинговой коммуникации со слотами фреймов // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. Международн. научно - практическ. конф. 3-4 апреля 2015 года. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015а. – С. 251–258.

Романов, Романова, Морозова, 2017 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Функциональная специфика «всерного сдвига» окна дискурса в информационно-консциентальной кампании. *Статья вторая: О роли и значимости ментальных репрезентаций в консциентальном типе информационного воздействия вбросов материала «Панамагейт* [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2017, № 4 (48). – С. 1–35. Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>

Романов, Романова, Морозова, 2018 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Провокативная дискурсия медийных «игр» спин-доктора (на материале политического ТВ-интервью) // Современный дискурс-анализ. Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Мат. Международн. научно-практическ. конф. (специальный выпуск журнала). – № 3 (20). – Т. 2. – Белгород: Политерра, 2018. – С. 7–15.

Романов, Романова, Морозова, 2018а – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Агрессивные коммуникативные практики ”мягкой силы” в политической дискурсии и контрдискурсии (на материале публичных интервью В.В. Путина) [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018а, № 4. – С. 32–74.

Романов, Романова, Морозова, 2019 – *Романов А.А., Романова Л.А., Морозова О.Н.* Дискурс правды и дискурс постправды политического интервью

(на материале интервью действующих политиков зарубежным СМИ)
[Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2019, № 1. – С. 1–28. Режим доступа: [http:// www.tverlingua.ru](http://www.tverlingua.ru)

Романов, Романова, Федосеева, 2013 – Романов А.А., Романова Л.А., Федосеева Е.Г. Перформативные ритуальные акты сакральной коммуникации. – Москва - Тверь: Ин-т языкознания РАН; Тверская ГСХА, 2013. – 241 с.

Романов, Ходырев, 2001 – Романов А.А., Ходырев А.А. Управленческая риторика. – М.: Лилия, 2001. – 216 с.

Романов, Черепанова, 1998 – Романов А.А., Черепанова И.Ю. Языковая суггестия в предвыборной коммуникации. – Тверь: Герс; Тверская ГСХА, 1998. – 205 с.

Романов, Черепанова, Ходырев, 1997 – Романов А.А., Черепанова И.Ю., Ходырев А.А. Тайны рекламы. – Тверь: Герс; Тверская ГСХА, 1997. – 290 с.

Тоффлер, 2010 – Тоффлер Э. Третья волна. Пер. с англ. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2010. – 795 с.

Шампань, 1997 – Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра. Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с. URL: [http:// scepsis.net/library/id_1093 .html](http://scepsis.net/library/id_1093.html)

References

Baudriyard, J. (2007) The Phantom of Modernity. Shadows of the silent majority, or the end of the social // Jaspers K., Baudrillard J. *The Ghost of the Crowd*, M., Algorithm, p. 180–280. (in Russian).

Bauman, Z. (2008) *Flowing modernity, Trans. from the English*, Ed. Yu.V. Asochakova, St. Petersburg, Peter, 240 p. (in Russian).

Becker, K. (2002) *Dictionary Tactical Reality. Cultural intelligence and Social control*, Vienna, Selene, 123 p.

Bourdieu, P. (2001) *Practical meaning*. St. Petersburg: Aleteya, 562 p. (in Russian).

Castells, M. (2000) *Information Age: Economics, Society and Culture*, Trans. with English. Ed. O. Shkaratana, M., SU-HSE, 680 p. (in Russian).

Castells, M. (2016) *The power of communication*. Trans. with English. N.M. Tyshlevich; under the scientific. Ed. A.I. Black. M., ed. house of the Higher School of Economics, 564 p. (in Russian).

Champagne, P. (1997) *Making an opinion: New political game*. Per. with fr. - M., Socio-Logos, 317 p. URL: http://scepsis.net/library/id_1093.html

Giddens, E. (1999) *Sociology*, M., Editorial URSS, 704 p. (in Russian).

Lutvak, E.N. (2012) *Strategy: The Logic of War and Peace*, Trans. from English, M., University D. Pozharsky, 392 p. (in Russian).

McLuhan, G.M. (2003) *Understanding Media: External Human Extensions*, Trans. from English., M., Zhukovsky: "CANON-press-Ts.", "Kuchkovo Pole", 464 p. (in Russian).

Menegetti, A. (2002) *Ontology and memetics*, Per. s ital, Pod obshh. red. P. Bernabej, M., Psihologicheskoe izdatelstvo, 149 p. (in Russian).

Miszonzhnikov, B.Ya. (2005) Massmedia as a subject of the formation of global catastrophic consciousness // *Globalism in the system of categories of modern culturological thought*, St. Petersburg: Janus, pp. 240–254. (in Russian).

Morozova, O.N. (2005) *Discourse of consent in a dialogue space*, M.- Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 220 p. (in Russian).

Nuremberg Trials (1999) // *Collection of documents in 8 volumes*, Vol. 8, M., Legal literature, 792 p. (in Russian).

Ozhegov, S.I. (1990) *Dictionary of the Russian language*. 23rd ed., Rev., M., Russian language, 917 p. (in Russian).

Reinhold, G. (2006) *Smart Crowd*. Per. from English, M., FAIR-PRESS, 416 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1988) *System analysis of regulatory means of dialogical communication*, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute. 183 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (1991) Illocutionary knowledge, illocutionary actions and illocutionary structure of a dialogical text // *Text in communication*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 82–100 (in Russian).

Romanov, A.A. (1992) Communicative initiative of the speaker in the dialogue // *Text as a structure*. Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M., Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the USSR; Kalininsky Agricultural Institute, pp. 55–76. (in Russian).

Romanov, A.A. (1995) The talking leader in business communication // The person speaking / *Homo Loquens: Language. Cognition. Culture* / Sat. scientific. tr. Otv. Ed. A.A. Romanov, A.M. Shakhnarovich, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences; Tver State Agricultural Academy, pp. 56–70 (in Russian).

Romanov, A.A. (2000) Assessment as a method of fixing the conflict of speech behavior of a politician // *Political Discourse in Russia - 4*. Workshop materials, M., MGU-Dialog, 2000, pp. 83–89.

Romanov, A.A. (2002) *Political Linguistics: A Functional Approach*, M. – Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy, 191 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2005) *Semantics and pragmatics of German performative utterances-requests*. M.-Tver, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 153 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2006) *Linguistic mosaic. Favorites*, M.-Tver, Institute of Linguistics RAS; Tver State Agricultural Academy: publishing house "AgrosferA, 436 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2014) Spin-doktriningovaya implementation of mental representations in the Internet communication // *Language, communication and social environment*. Annual international publication, Issue. 13, Voronezh, Science - UniPress; The Voronezh state. University, pp. 88–118 (in Russian).

Romanov, A.A., Morozova, O.N., Romanova, L.A., Novoselova, O.N., Malysheva, E.V. (2014) *Terminology Glossary on Practical Rhetoric and the Art of*

Debating, Ed. A.A. Romanova, Tver, Tver State Agricultural Academy, 181 p. (in Russian).

Romanov, A.A. (2016) "The window of discourse" as a regulatory mechanism for the dissemination and introduction of "viral" information: two approaches [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4. P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2009) *The attraction of performativ. Essays on the theory of performativity from J.L. Austin to our days*, Moscow-Tver: IYAN RAS, AgrosferA Tver State Agricultural Academy, 156 p.

Romanov, AA, Romanova, LA (2015) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, AA, Romanova, L.A. (2016) Memo-regulative reality as a psycholinguistic phenomenon // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 1. P. 1–14. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017) Conscital discourse and counter-discourse in the information confrontation // *Discourse and media criticism of the mass media: coll. sci. works (based on the materials of the international scientific and practical conference, NUU "BelGU", October 4-7, 2017) / ed. A.V. Polonsky et al. Belgorod, Publishing house "Belgorod" Research Institute "BelGU", pp. 134–144 (in Russian)*

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017a) Vector orientation of reformatting immersion in the discursive space of information attacks [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 2 (47). P. 1–20. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2017b) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 1: "Window" of discourse as a complex technology of information spin-doctoring impact // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 3. P. 1–39. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018) *Verbal aggression in professional communication*, Tver, Tversk. State University, 292 p. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018) Selfie as a performative act of the information cycle in network communication // *Modern discourse analysis, Discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International Scientific and Practical Conf. (special issue of the journal), T.1, No. 2 (20), pp. 132–144. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova L.A. (2018b) Fake discourse and counterdiscourse in the institutional confrontation // *Russian language and literature in professional communication and multicultural space: mat. International Scientific and Practical Conference*, Moscow, Perot publishing house, Saratov: Amirant, pp. 284–289.

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2018b) Selfie as a performative discourse of self-presentation of personality in network communication // *Language, communication and social environment - Language, Communication and Social Environment: Annual scientific publication* / Published annually; by ed. K.M. Shilikhina, Vol. 16 / Issue No. 16, Voronezh, Voronezh State. university; Science - Unipress, pp. 39–64. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019) Selfie as an emotive performative practice in network communications // *Volgograd Bulletin of Social and Pedagogical University*, Ser ., Linguistics, № 1, pp.171–178. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019a) Media man as a network center of information circulation from I-media to We-media // *Language discourse in social practice: proceedings of the Intern. scientific and practical Conf.*, Tver, Tversk. state University Press, P. 24–36. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A. (2019b) On the boundaries of the possible and acceptable in the aggressive verbal behavior of the moderator of a confrontational political interview // *Linguistic Limology* [Electronic resource]. *Sat articles on the materials of the International Scientific Conference* (Moscow, October 27, 2018) / Ed. Col ., A.A. Boronin et al. - Electronic text data (4.45 MB), M ., IIO MGOU, pp. 132–141. (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015) Designing media meanings of information confrontation // *Functional linguistics: VII International Crimean Linguistic Congress "Language and World"*. Yalta, October 5-8, 2015, Sat. scientific reports / Ed. ed. A.N. Rudyakov, Yu.V. Dorofeev; Crimean Republican Institute of Postgraduate Pedagogical Education, Simferopol, Form Company, pp. 284–287. (in Russian).

Romanov, AA, Romanova, LA (2015a) Frame matrix of spin-doctoring design of meanings in the system of public communications // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 2. P. 1–31. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2015a) Narrative method of spin-docking communication with frame slots // *Language discourse in social practice*. Sat. scientific. tr. International. scientific – practical, Conf. April 3-4, 2015, Tver: Tver. state. Univ., pp. 251–258 (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2017) Functional specificity of the "fan shift" of the discourse window in the information-consociation campaign. Article 2: On the role and significance of mental representations in the consecutive type of information impact of material injections "Panagameit" [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. No. 4 (48). P. 1–35. Access mode: <http://www.tverlingua.ru> (in Russian).

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2018) Provocative discourse of the media “games” of the spin doctor (on the material of political TV-interview) // *Modern discourse analysis. The discourse of modern mass media in terms of theory, social practice and education*, Mat. International scientific and practical conf. (special issue of the journal), No. 3 (20), T. 2. Belgorod, Polyterra, pp. 7–15. (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2018) Aggressive Communication practices of “Soft power” in political discourse and counter discourse (based on different public interviews of V.V. Putin) [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. – 2018, № 4. P. 32–74. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Morozova, O.N. (2019) Discourse of truth and post-truth in the political interview (based on the interview of current politicians with foreign media) [Electronic resource] // *World of linguistics and communication: electronic scientific journal*. № 1. P. 1–28. Access mode: www.tverlingua.ru (in Russian)

Romanov, A.A., Romanova, L.A., Fedoseeva, Y.G. (2013) *Performative ritual acts of sacral communication*, M.- Tver: Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Tver State Agricultural Academy, 241 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Hodyrev, A.A. (2001) *Management rhetoric*, M., Lilia; Tver State Agricultural Academy, 216 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu. (1998) *Language suggestion in pre-election communication*. Tver: Tver State Agricultural Academy; Gers Publishing House, 205 p. (in Russian).

Romanov, A.A., Cherepanova, I.Yu., Khodyrev A.A. (1997) *Advertising Secrets*, Tver, Gers; Tver State Agricultural Academy, 290 p. (in Russian).

Rushkoff, D. (2003) *Mediavirus. How pop culture secretly affects your mind*, M., Ultra. Culture, 368 p. (in Russian).

Toffler, E. (2010) *Third Wave*. Per. From the English., M., AST: AST Moscow, 795 p. (in Russian).

Zotov, G. (2005) “*President of Estonia Arnold Rüütel: Do we praise Nazism?*” // AiF. - 2005, № 12, pp. 12. // [http:// www. aif.ru/archive/1640045](http://www.aif.ru/archive/1640045) (in Russian).